

В.А.ЖУКОВСКИЙ

НАЛЬ
И
ДАМАЯНТИ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

Индийская
повесть

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1957

Гравюры
Н. ПОБЕДИНСКОЙ

К ЧИТАТЕЛЯМ

«Наль и Дамаянти», поэма известнейшего русского поэта первой половины XIX века Василия Андреевича Жуковского (1783—1852), появилась впервые отдельной книгой в 1844 году. Как многие другие произведения В. А. Жуковского, поэма эта есть вольное авторское переложение на русский поэтический язык индийской народной повести о Пале и Дамаянти.

Вместе с другими индийскими народными мифами, легендами, повестями трогательная история приключений могучего Наля и его верной жены Дамаянти вошла в поэму «Махабхарата» — один из величайших и древнейших памятников индийской литературы.

В. А. Жуковский не знал санскрита — языка, на котором написана «Махабхарата», — и познакомился с поэмой в немецких переводах. В примечании к первому изданию поэмы «Наль и Дамаянти» он сам пишет об этом: «Наль и Дамаянти» есть эпизод огромной индийской поэмы «Махабхараты». Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое, два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлин-

ника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей, а просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке моем выражения для той девственной, первообразной красоты, которую полна индийская повесть о Нале и Дамаянти...»

Одна из важнейших заслуг В. А. Жуковского как поэта состоит в том, что он в своих оригинальных, творческих переводах познакомил русского читателя со многими замечательными произведениями мировой литературы. В числе их — поэма «Наль и Дамаянти», в которой читатель найдет яркие, художественные картины жизни, нравов, понятий и представлений древней Индии.

Г Л А В А П Е Р В А Я

I

ил-был в Индии царь, по имени Наль. Виразены
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот

Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен

Так, что в целом свете царя, подобного Налью,

Не было, нет и не будет: между другими царями

Он сиял, как сияет солнце между звездáми.

Крепкий мышцею, светлый разумом, читатель смиренный

Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный

Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный

В храмах богов, вожделений своих обуздатель, нечистым

Помыслам чуждый, любовь и тайная дума

Дев, гроза и ужас врагов, друзей упованье,

Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
Чудным искусством править конями — на них же он в сутки
Мог сто миль проскакать, — таков был Наль; но и слабость
Также имел он великую: в кости играть был безмерно
Страстен. В это же время владел Видарбинским обширным
Царством Бима, царь благодушный; он долго бездетен
Был и тяжело скорбел от того, и обет пред богами
Он произнес великий, чтоб боги его наградили
Сладким родительским счастьем; и боги ему даровали
Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Дáмас, Дáптас другой и Дáманас третий; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смелы; звездой красоты расцвела Дамаянти:
Прелесть ее прошла по земле чудесной молвою.
В доме отца, окруженная роем подружек, как будто
Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза
В пышной зелени листьев сияет, и в этом собранье
Дев сверкала, как молния в туче небесной. Ни в здешнем
Свете, ни в мире бесплотных дúхов, ни в стране, где святые
Боги живут, никогда подобной красоты не видали;
Очи ее могли бы привлечь и бессмертных на землю
С неба. Но как ни была Дамаянти прекрасна, не мене
Был прекрасен и Наль, подобный пламенно-нежной
Думе любви, облекшейся в образ телесный. И каждый
Час о великом царе Нишадской земли Дамаянти
Слышала, каждый час о звезде красоты благородной
Царь нишадский слышал; и цвет любви из живого

Сеmeni слов меж ними, друг друга не знавшими, скоро
Вырос. Однажды Наль, безымянной болезнию сердца
Мучимый, в роще задумчив гулял; и вдруг он увидел
В воздухе белых гусей; распутив златоперые крылья,
Стаей летели они, и громко кричали, и в рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватил одного. Но ему сказал человеческим
Голосом Гусь: «Отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебе сослужу: о тебе Дамаянти прекрасной
Слово такое при случае молвлю, что только и будет
Думать она о Нале одном». То услыша, поспешно
Наль отпустил золотого Гуся. Вся стая помчалась
Прямо в Видарбу и там опустилася с криком на царский
Луг, на котором в тот час Дамаянти гуляла. Увидев
Чудных птиц, пачала Дамаянти с подружками бегать
Вслед за ними; а гуси, с места на место порхая,
Все рассыпались по лугу; с ними рассыпались так же
Скоро и все подружки царевнины: вот Дамаянти
С Гусем одним осталась одна; И Гусь, приосанясь,
Вдруг сказал человеческим голосом ей: «Дамаянти,
В царстве Нишадском царствует Наль; и нет и не будет
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполне б совершилось; какой бы
Плод родился от союза с его красотою могучей
Нежной твоей красоты! Вас друг для друга послали
Боги на землю. Поверь тому, что тебе говорю я,
О тихонравная, сладкоприветная, чистая дева!
Много мы в странствиях наших лугов человеческих, много

Райских обителей неба видали; в стране великанов
Также нам быть довелось; но доныне еще, Дамаянти,
Встретить подобного Налю царя нам нигде не случилось:
Ты жемчужина дев, а Наль — мужей драгоценный
Камень. О, если бы вы сочетались! Тогда бы узрели
Мы на земле неземное». Так Гусь говорил. Дамаянти,
Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
Вся побледнев от любви: «Скажи ты то же и Налю».
Быстро-быстро поднялся он, дважды рожденный, сначала
В виде яйца, потом из яйца, и в Нишадское царство
Прямо помчался и там рассказал о случившемся Налю.

II

После того, что сказал ей Гусь золотой, Дамаянти,
Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно
С Налем прекрасным. Объятая тайною думой, влачая
Шаткой, неверной стопою, как будто в каком расслабленье,
То подымая к небу грустные очи, то в землю
Их потупляя, то с полною тяжкими вздохами грудью —
Временем щеки как жар, временем бледные, очи,
Полные слез, засохшие губы и все в беспорядке
Мысли, как волосы, — день и ночь Дамаянти вздыхала,
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на месте ином; и, тая в болезни,
Пищи она, ни питья принимать не хотела. Подружкам
Скоро стало заметно, что с их царевной прекрасной

Что-то случилось недоброе; скоро достигнул печальный
Слух и до Бимы царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Как скоро об этом проведал
Царь, то он весьма опечалился. «Видно, настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти», — сказал он.
Вот и задумал Бима дать пир, чтоб отовсюду на выбор
Съехались к ней женихи. Гонцов разослал он по разным
Царствам индейским¹: царей приглашать на праздник в Видарбу.
Только к царям и царевичам весть об этом достигла,
Все снарядились в путь; с востока и запада быстрый,
Шумный поток пути наводнил, наполняя всю землю
Смутным гулом слов, коней, колесниц и до неба
Пыль густую подъял. Сияя богатством уборов,
Множеством ратников, блеском оружий, пышностью броней,
Съехались гости в Видарбу; торжественно встретил их Бима.
В это время странствовать вышел глава и светило
Всех отшельников — праведный старец Нерáда; избранный
Спутник его был Первáта² блаженный. Из пыльного мира
Темных гробов проникнул он в царство небесного света,
В оный предел, где сад веселий цветет, где великий
Властвует Индра³. В светловоздушные сени вступили
Оба странника; их приветствовал радостно Индра;

¹ И н д е й с к и м (старинное произношение) — индийским.

² Н е р á д а, или П а р а д а, и П е р в á т а — божественные существа в древних индийских мифах — сказаниях о богах и героях. Они — мудрые старцы, отшельники, посредники между богами и людьми.

³ И н д р а — одно из верховных божеств индийской мифологии, бог бури, грома, молнии и войны. В светловоздушную страну Индры (на небо) уходили души павших в боях храбрых воинов.

Им поклонясь и воздав им обоим приличную почесть,
Царь небесных тверди спросил гостей о здоровье
Их и целого света. «Владыка, — с поклоном Нерада
Иindre ответствовал, — божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свет наш здоров: благоденствуют люди и звери;
В каждой пылинке и в каждой былинке жизнь и веселье».
Слыша такой ответ Нерады, могучий правитель
Мира спросил: «Но где же мои любимцы, кровавых
Споров решители, крови своей проливатели в битвах,
Смерти презрители, храбрые мира защитники? Ими
Светлую область мою населять я люблю; но напрасно
Жду я на пир мой желанных гостей, не приходят
Гости мои уж давно. Скажи мне, святой, что случилось
С племенем храбрых?» На это ответствовал Иindre Нерада:
«Я объясню, всемогущий, тебе, отчего так давно ты
Здесь никого не видишь из храбрых вождей: Дамаянти,
Дочь царя видарбинского Бимы, которой на свете
Нет ничего подобного, хочет по сердцу супруга
Выбрать, и все цари и царевичи едут в Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вот почему так спокойна
Стала земля, почему и в твою светозарную область
Гости давно не приходят». Покуда их длилась беседа,
Прибыли к Иindre его соучастники в миродержавстве:
Агнис — властитель огня, Варуна — воды повелитель,
Яма — бог-земледержец. Услышав сказанье Нерады,
Боги воскликнули с светлым лицом: «На выборе этом
Будем и мы». И на быстрых конях, предводимые Индрой,
Боги пустились в Видарбу, куда все цари собирались.

Тою порою и Наль, любовью сгорая, лишь только
Сведал о съезде великом в Видарбе, на быстрых
Крыльях желанья помчался; нужды в конях не имел он.
Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля:
Был красотой он светел, как день; и боги, пленясь
Той красотой, на него с изумленьем смотрели; четыре
Стихий властителя, в воздухе свой полет удержавши,
Вот что сказали: «Здравствуй, нишадец, войск истребитель,
Наль Пуньялока¹. Хочешь ли нам оказать ты услугу?
Нашим послом полномочным иди отсюда в Видарбу».

III

«Всё исполню, — отвечивал Наль; и, руки сложивши
В страхе невольном, с видом покорным спросил он их: — Кто вы,
Солнечным блеском одетые? С вестью какой повелите
Мне в Видарбу идти?» Ему отвечивал Индра:
«Знай, что мы боги бессмертные, спешшие в мир для прекрасной
Дочери Бимы царя, Дамаянти, к которой отвсюду
Сходятся ныне земные цари; я Индра, властитель
Воздуха; это Агнис, огня повелитель могучий;
Это Варуна, двигатель вод, а это великий
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что ныне
Наш ты посол, и вот что ты должен сказать Дамаянти:
«Ведай, царевна, что боги стихий — бог воздуха Индра,

¹ Пуньялока, Пуньяшлока — достохвальный; одно из прозвищ Наля.

Агнис огня, Варуна воды и Яма земли — к нам
С неба сошли, чтоб из них одного избралá ты в супруги!»
Руки сжав с умилением, Наль отвечивал Индре:
«Сам я за тем же в Видарбу иду; от других невозможно
Быть мне послом к Дамаянти; молю, от такого посольства,
Боги, избавьте меня». На то отвечивал Индра:
«Разве не ты, благородный нишадец, сказал нам: *исполню?*
Можешь ли слово нарушить? Иди ж и не смей отрицаться».
Наль отвечал с замешательством: «Как же дойду я к царевне?
Входы все заперты крепкою стражей». — «О том не заботься, —
Боги сказали, — дойдешь свободно, иди без боязни».
Наль пошел, покоряся без ропота воле бессмертных.
Он во дворец свободно проникнул и там Дамаянти
Скоро увидел в кругу подружек; как с неба слетевший
Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нежные члены ее, вожделенье любви пробуждая
В каждом сердце; и месяц и солнце не столь утешали
Светом своим, как ее пленительно-девственный образ.
Муку любви почувствовал Наль при виде волшебном
Стройного стана ее; но он пересилил стремленье
Силы мучительной. Все подружки царицы вскочили
С мест, изумленные входом нечаянным Наля; прекрасный
Образ его поразил их так, что им показалось
Небо отверзтым. Не смея его спросить, меж собою
Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел он?
Кто он? какой он породы? райской? земной? исполинской?
Так вопрошали друг друга они, ослепленные блеском
Наля, очей на него поднять не смея (столь боги

Прелесть его, уж и так неземную, блеском небесным
Вдруг возвеличили). В это мгновение пред ним Дамаянти
С сердцевластительным взором, с улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
Пламенем. «Кто ты? — она напоследок спросила. —
Кто ты, все озаряющий, прелестью дышащий, душу
Радостной мукой объемлющий? Как ты проникнул в обитель
Царской дочери, всем затворенную, мимо царевой
Стражи, никем не замеченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя?» На этот вопрос видарбинской прекрасной царевны
Наль отвечивал: «Знай, Дамаянти, я Наль; я в Видарбу
Прислан, царевна, тебя известить, что великие боги
Индра, Агнис, Варуна и Яма спустились на землю
С неба за тем, чтоб из них одного избрала ты в супруги.
Их могуществом мог и сюда неприметно пройти я;
Зная теперь, зачем я здесь, видарбинская дева,
Сделай сама, что найдешь для себя и благим и приличным».

Г Л А В А В Т О Р А Я

I

Весть такую услышав, сначала богам Дамаянти
Сердцем смиренным свою принесла благодарность; с улыбкой
Налю сказала потом: «Не боги, а ты мой избранный
Светлый жених; я твоя, и все, чем я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, все мысли, желанья, и жизнь, и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое без остатка. Что белый
Гусь мне сказал, то сердце мое сокрушило; и были
Все цари и царевичи созваны мною на выбор
Только затем, чтоб привлечь и тебя: но ты уж заране
Избран; отдаться тебе поклялась я, и был ты
Здесь уж давно ожидаем, но только совсем для иного.

Сватайся ж сам за меня; тебе неприлично являться
Здесь послом от других; и знай, что если тобою
Буду отвергнута я, от которой приемлешь ты ныне
Почесть такую, то все мне смертью будет: вода ли,
Яд ли, огонь ли, веревка ли, все мне равно; нестерпимо
Женскому сердцу в любви безответно признаться». На это
Наль видарбинской царевне отвечивал: «Как же ты можешь
Вечным богам предпочесть обреченного смерти? Как можешь
С теми, от коих жизнь истекает, кем держится зданье
Мира, ставить меня наряду, недостойного с прахом
Ног их сравниться? Идущий против воли бессмертных
Смерти навстречу идет. О пленительно-стройная дева!
Будь мне спасеньем, избравши небесное вместо земного.
Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные
Перлы, венки и повязки богов предпочти и блаженствуй.
Что желанней тебе? Благовонный ли воздух? Огня ли
Жертвенный пыл? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вечной земли? Один, лазурно-воздушным пространством
Мир объемля, движеньем и светом его наполняет;
Искрою в каждой пылинке таяся, другой проникает
Все, разрушая телá и духу даруя свободу;
Третий, кристальною цепью землю обвив и на зыбком
Пухе воды отдыхая, жемчужные нити влетает
В кудри свои; четвертый дает живущему место,
Мертвому пристань и все созданье на суд собирает, —
Вот твои женихи, Дамаянти; богам ли бессмертным
Ты откажешь? Не делай того, послушайся друга».
С трепетом сердца и влагой печали затмивши сиянье

Светлых очей, отвечала ему Дамаянти: «Всесильны
Вечные боги; я чту их всем сердцем и им поклоняюсь
С верой; но ты мой жених; ты избран любовью; этой
Правды скрывать не хочу я». Так говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала к дрожащим
Девственно-чистым грудям с умоляющим видом. Вздохнувши,
Наль отвечал: «Не забудь, Дамаянти, что я пред тобою
В сане посла, нарушу ль святую доверенность? Буду ль
Ныне просить для себя того, что строго велит мне
Должность просить для других? Наступит мой час, и без страха
Стану за право свое. Ты сама об этом размысли,
Радость очей, видарбинская роза». Вздох утаивши,
Тихо в ответ Дамаянти шепнула: «О друг, мы согласны
В мыслях; ты путь прямой избери, чтоб упрека и тени
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенья
Смертных людей, с богами ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный, тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Этот ответ видарбинской
Девы принявши, Наль возвратился в то место, где были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Миродержавцы спросили с живым любопытством:
«Что ты скажешь? Какой ответ нам принес от царевны?»
Наль сказал: «Посланником вашим проник я в жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражам,
Видимый только царевне одной; конечно, то было
Так устроено вашею властью: с царевной нашел я
Много подруг; они вскочили, меня испугавшись;

Но Дамаянти, прекрасный светлосмеющийся месяц,
В то мгновенье, как вашу волю, бессмертные боги,
Я объявлял ей, меня самого в затмение рассудка
Выбрала. Вот что сказала в ответ мне царица: «Пусть придут
Боги вместе с тобою ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Ваша воля святая
Мною исполнена, вечные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите с меня и свободу мне дайте».

II

Вот с наступлением дня пригласил царь Бима на выбор
Всех своих знаменитых гостей. Собрались в обширной
Царской палате цари и царевичи; взоры их жаркой
Жаждой любви пламенели; они прошли сквозь золотые
Своды высоких дверей, как львы сквозь расселину; в блеске
Свежих, душистых венков, в серьгах драгоценных сидели
Там величавые гости на пышных, упругих подушках;
Тесно их сонмище¹ было, как львиная грива густая;
Полная ж ими палата казалась разинутым зевом
Тигра, полным зубов. И было тут чем любоваться:
Крепкие бедра, как будто столбы, литые из меди,
Сильные мышцы и плечи, как будто могучие дубы,

¹ Сонмище, сонм — собрание, толпа, множество людей.

С гибкими пальцами руки, как змеи с пятью головами,
Гордые шеи, светлым гранитным зубцам на вершинах
Горных подобные, в блеске прекрасных, весельем горящих
Лиц, и пышных волос, и высоких бровей, и огнистых
Глаз. И в собрание гостей вошла Дамаянти, чтоб ум их
Взглядом одним помутить, чтоб глаза и сердца их опутать
Сетью любви. И все к ней очами прильнули, как птицы
К клейкой охотничьей жерди. Долго кругом Дамаянти
Взор свой водила; но тот, кто один был и в сердце и в мыслях,
Ей не являлся. Вдруг видит царица пять одинаких
Образов; были они перед нею; то к ней приближались,
То от нее отходили; и каждый ей представлялся
Налем, как скоро глаза на него она обращала;
Мысли ее помутились. Она подумала: «Что мне
Делать? Как четырех богов отличу я от Наля?»
Взоры ее напрасно божественных знаков искали.
«Знаков, о коих дошли к нам издревле сказанья, не носит
Здесь на себе ни один из видимых мною», — царица
Думала. Вот наконец, по долгом с собой размысленье,
Так решила она: «К богам подойду я с молитвой;
Боги молитвы моей не отринут». И с верой смиренной,
Руки сложив и к грудям богомольно прижав их, царица
Так сказала: «Боги бессмертные, боги святые,
Мною избранного, сердцем желанного мне покажите;
Если пред вами я делом и мыслию правду хранила,
Если молюся вам с теплою верою, если вы сами
Мне, уж избранного мною самою, в супруги избрали,
Если его я любить поклялася и если должны быть

Клятвы священные, то мне вы его покажите, благие
Боги, и знаки свои мне откройте, чтоб вас я почтила».
Столь сердечную жалобу слыша из уст Дамаянти,
Видя ее чистоту, и любовь, и покорность их воле,
Видя правдивость ее, и кроткое сердце, и светлый
Ум, согласились немедля ее желанье исполнить
Боги и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Их во мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицам беспотным, светло-нетленным венкам, недоступным
Пыли белым одеждам, бестенному телу и дивной
Легкости быстрых движений, с какою они перед нею
Веяли с места на место, земли не касаясь ногами.
Рядом с ними, полуотененный, в венке уж завядшем,
Пылью и потом покрытый, стоял на земле с помраченным,
Грустно потупленным взором задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчас его из середины бессмертных и выбор
Свой изъяснила обычным обрядом, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри ему наложивши
Свежий душисто-блестящий венок. Совершился великий
Выбор: со всех сторон раздалися торжественно клики;
Все цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выбор одоблив, воскликнули: *Слава!* счастливому Налю.
Он же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснеющей, очи склонившей, дрожащей невесте
Так сказал с трепетанием сердца, но голосом твердым:
«Если могла при бессмертных богах ты смертного мужа
Так почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Сам пред людьми и богами своею женой именую,

Весь на целую жизнь отдаюся тебе, и доколе
Будет дух жизни в теле моем, дотолѣ, о дева,
Роза Видарбы, я буду твоим; мое обещанье
С верой прими, на меня положишься; отныне тебя я
Буду питать, защищать, и чтить, и хранить и останусь
Верен тебе всегда, во всем, и словом и делом,
Радость и горе, богатство и бедность и все неизменно
В жизни с тобой разделяя». Обет такой произнесши,
Светлый жених перед всеми своей лучезарной невесте
Дал целомудренно первый любви поцелуй; и друг другом
Долго в блаженстве немом любовались они; напоследок,
Вспомнив, что боги близко, и царь и царица пред ними
Пали с молитвой; и боги скрепили своей благодатью
Брак их; податели всякого блага, они даровали
Налю четыре великие силы: могучий властитель
Воздуха дал ему зоркость очей с способностью в каждом
Месте простор находить и везде освежаться прохладой;
Бог огня даровал обладанье огнем и возможность
Видеть без ужаса блеск мирозданья; правитель земныя
Тверди дал твердую поступь, чтоб был для него безопасен
Всякий путь по земле, и тонкий вкус для разбора
Пищи; владыка воды наградил могуществом воду
Всюду творить и цветы рождать единым желаньем.
Так одаривши царя, и царице все четверо вместе
Дали одно обещанье: что брака их радостью будут
Сын, как отец, и дочь, как мать, прекрасные. Милость
Им изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслед и цари и царицы, выбор невесты одобришь,

В путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынул
Этот прилив гостей, устроил свадебный праздник.
Наль, сочетавшись с своею царевною, пробыл в Видарбе
Первые дни в веселье и в радости сладкой; потом он
В царство свое, блаженный, прославленный, с милой женою,
Честию жен, звездой красоты и любви, возвратился.
Там в благовонных рощах, в роскошных царских палатах
Он благоденствовал, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни из чаши одной выпивая с ней вместе, вкушая
Мир и свободу, в молитве, в забавах, в труде и покое,
Правду творя и на счастье народном свое утверждая.

III

Боги, покинув Видарбу и в небо свое возвращаясь,
Встретили адского бога Кали́. Провожаем Двепарой,
Странствовал он по земле. «Куда направляешь ты путь свой?» --
Индра спросил. «В Видарбу, — Кали́ отвечал. — Дамаянти
Будет моею женою; мне в мысли пришло, что я должен
Ею быть выбран». С улыбкой отвечив Индра: «Уж выбор
Сделан, ты опоздал; при нас она поклялася
В верности Налю». Кали́, услышав от Индры такую
Весть, воскликнул в кипении гнева: «Когда Дамаянти
Смертного мужа посмела богам предпочесть, то над нею
Страшно должна отмщена быть такая обида». На это
Боги света мрачным богам отвечали: «По воле
Нашей выбор свершился в Видарбе; и млад и прекрасен

Наль: лишь одною б лишеною смысла он мог быть не избран,
Он, непорочный, уставов святых постоянный блюститель,
Книг духовных внимательный чтец, своим правосудно
Правящий царством; он, у которого в доме усердно
Приняты с почестью, с сладко-душистыми жертвами боги;
Он, правдивый, твердый и кроткий, людьми и богами
Чтимый; он, строгий обетов хранитель; он, одаренный
Набожным сердцем, великой душою, смиреньем и силой;
Он, в котором терпенье, умеренность, благость в единый
Образ божественный прелести слиты... Кали́, кто враждует
С праведным Налем, тот скройся в пропасти ада, на муку
Вечную». Так отвечав, удалилися боги на небо.
Видя богов удалившихся, с злобной усмешкой Двепаре
Молвил Кали́: «Не прощу никогда я обиды; теперь же
В Наля вселюсь, чтоб его, ненавистного, свергнуть в погибель;
Ты же, Двепара (ведь знаем давно мы, какой он горячий
В кости игрок), поселися в костях и будь мне помощник».

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

I

замыслом злобным своим притаился в обители царской
Наля коварный Кали. Он все выжидал, чтоб удобный
Случай открылся ему совершить предпритое; шесть лет
Ждал он напрасно; в седьмой год предстал наконец благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабыл совершить очищенье
Царь, и в тело нечистое дух нечистый вселился.
В сердце Наля проникнул Кали, и святое жилище
Мирной невинности сделалось мутно от злых помышлений.
Был у Наля сводный брат Пушкára. Далеко
Жил он в своем городке, небогатым участком довольный;
Хитрый Кали, овладевши сердцем смиренного Наля,
Вот что сказал в сновиденьи Пушкаре: «Возьми ты скорее
Кости и к Налю иди и игру о царстве Нишадском
С ним заведи, и будет твоим Нишадское царство;

Весь проиграется Наль». Пушкара, прельщенный нечистым
Духом, взял кости, в которых уже скрывался Двепара,
К Налю явился и вызвал его на игру; загорелся
Бешеной страстию Наль, запрыгали кости, и смертный
Бой начался; и царь, как безумный, ставил на кости
Всё: драгоценные камни, золото, утварь, одежды,
Зáмки и земли, и всё, одно за другим, ослепленный
Хитрым врагом, он проигрывал. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее он не слушал. Смутились
Все приближенные, все вельможи, весь двор, все граждане;
Вот Дамаянти слышит, что все они собралися
В царском дворце, чтоб царю объявить, как сильно тревожит
Их злостью такое; и в горьких слезах Дамаянти
Так сказала царю: «В твоей обители весь твой
Верный нишадский народ собрался, и ждет, и желает
Светлые очи увидеть твои; покажися, ответствуй
Им на любовь их вниманием царским». И слезы бежали
Быстро из глаз Дамаянти; но царь не внимал ей, враждебной
Силою мрачного духа объятый. И двор и граждане,
Видя, что Наль их моления отверг, разошлись, помышляя
С горем глубоким и тяжким стыдом: *он боле не царь нам!*
Кости же тою порой, как живые, летали; все жарче
Бой разгорался, и царь проигрывал с каждым ударом.

II

Видя, что муж от игры был совсем без ума, Дамаянти
Стала думать о том, каким бы средством от близкой,

Им обоим грозящей беды защититься; но трудным
Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно
Область за областью брату проигрывал. Вот Дамаянти
С горем сказала кормилице старой своей Врихазене,
Чтимой всеми в доме царевом, советнице умной:
«Друг мой, кормилица, слушай: ко мне собери поскорее
Всех советников царских; мне должно с ними исчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще нам осталось».
Вот собрались советники; их повела Дамаянти
К Налю, который играл беспробудно. К нему приступила
С ними царица и, плача, выслушать их умоляла.
Но очарованный Наль был глух, и слеп, и бесчувствен;
Он не взглянул на нее, не сказал ей ни слова,
Все продолжал по-прежнему с братом играть и стоявших
В горе и страхе пред ним вельмож не приметил. Утратив
Всю надежду, они с содроганьем оставили царский
Дом. Царица же долго в лицо безумному Налю
С страхом смертельным смотрела; а между тем роковые,
Налю враждебные, брату его благосклонные кости
Стуком своим беспрестанным и пуше ее ужасали.
«Слушай, кормилица (так наконец Дамаянти сказала
Верной своей Врихазене), беда наступила; скорее
Кликни Варшнею, правителя кóней царевых». Когда же
К ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,
Вот что ему Дамаянти сказала: «Варшнея, соратник
Верный царя, послужи ему и теперь в наступившем
Бедствии: видишь, что каждый проигрыш с новой
Силой в нем страсть к игре разжигает, что кости как будто

Против него заодно с Пушкáрой; мой царь обезумлен
Духом враждебным, забыл о народе, о ближних, не внемлет
Даже и мне; всему причиною кости; в них скрыта
Адская сила, а сам он невинен. Послушай, мой добрый,
Верный Варшнея, исполни мое повеленье: всечасно
Жду со страхом и трепетом я, что царь мой погибнет,
Все проиграв; но ещё не проиграны царские кони
Быстролетучие; сядь в колесницу его и немедля,
Прежде чем наша гибель вполне совершилась, в Видарбу,
К Биме, отцу моему, детей отвези; поклонися
Сродникам всем и знакомым моим; когда же отдашь ты
Всё, и сироток моих и царских коней с колесницей,
Биме, тогда ты будешь волен иль остаться в Видарбе,
Или идти в иную какую землю, куда ты
Сам пожелаешь». Варшнея, верный правитель царевых
Коней, выслушав то, что ему Дамаянти сказала,
Созвал советников царских; когда же и те согласились
С умным желаньем царицы, то, взяв детей, он поехал
С ними в Видарбу. Там, снявши детей с колесницы,
Отдал их Биме, потом родным и знакомым царицы
Всем от нее поклонился, потом, печалимый тяжкой
Участью Наля, пошел в свой путь и, в Айоду пришедши,
В службу вступил к царю Ритуперну правителем кóвей.

III

Был уж далеко Варшнея, когда у несчастного Наля
Выиграл злой Пушкара все царство. С насмешкою колкой

Брату сказал он: «Ты весь проигрался; посмотрим,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отдадем счастья. Чьею женою
Быть должна Дамаянти, твоею или моею?»
Это услышав, Наль содрогнулся, вздохнул и ни слова
Не был в силах промолвить; но, мрачно взглянувши на брата,
Снял с себя все уборы и, только одно сохранивши
Бедное платье, нищий, ограбленный, царь благородный
Вышел смиренно из царского дома, несметных сокровищ
Полного; следом за ним, без роптанья судьбе покорясь,
Также одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели без ночлега; под смертную казнь
Их принимать запретил Пушкара гражданам Нишады;
Новый царь был страшен, и так ни единый из прежних
Подданных не дал приюта царю бесприютному. Близко
Города, голод и жажду терпя, одним безотрадным
Горем богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потом он дал пошел, печальный, голодный;
Следом за ним пошла Дамаянти; для скудных пищи
Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло уж
Несколько дней печального странствия. Голод жестоко
Мучил однажды обоих. Вдруг две златокрылые птички
Сели на травке близ самого Наля. «Нам будет сегодня
Пища», — сказал он, тихонько подкрался к птичкам и, снявши
С плеч последнее платье свое, им поспешно накрыл их.
Что же? С ним вместе птички взвились на воздух и, видя,
Как изумлен был Наль, совсем обнаженный, запели:

«Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно Мы сюда прилетели, чтоб взять у тебя остальное Платье; нам было досадно, что ты, совсем проигравшись, С платьем еще оставался. Прости, безрассудный; счастливый Путь!» И птички исчезли. Наль сказал: «Дамаянти, Те, от которых такую беду я терплю, кто лишили Царства, покоя и счастья меня, от которых не смеет Ныне меня принимать ни один из нишадцев, под видом Птиц золоткрылых сюда прилетали, дабы остальное Платье похитить мое. И теперь я, сил и рассудка Горем лишенный, тебе самой, Дамаянти, на выбор Все отдаю. Та дорога ведет по горам Ришаванским Прямо в Авантскую землю; здесь по склонению Виндийских Гор, вдоль излучистой светлошумящей Пайошни проникнешь В те места, где отшельники в кельях святых обитают; Здесь же дорога в Видарбу». Так Наль говорил; но рыданье Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились по прекрасным, Бледным щекам. Она ему отвечала чуть слышным Голосом: «Сердце мое замирает, и я от печали Вся цепенею при мысли одной о том, что так сильно В этот миг тебя, о возлюбленный друг мой, тревожит. Царства лишенный, счастье утративший, голодом, жаждой, Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единственный Друг, как мог пожелать ты, как мог ты подумать, чтоб было Мне возможно покинуть тебя, от тебя отказаться? Нет, мой прекрасный, тебя, изнуренного голодом, жаждой, Горем о счастье погибшем томимого, буду и в диком Лесе и в знойной степи утешать я и словом и взглядом.

Знай, что нет для души и для тела вернее лекарства
Верной жены». — «О! правда твоя, Дамаянти, — с улыбкой
Наль отвечивал, — нет для несчастного лучше лекарства
Верной, любящей жены. Я с тобой не расстанусь; могло ли
В ум твой войти подозрение такое? Скорее с своею
Жизнью расстануся я, чем с тобою, сокровище жизни». —
«Друг, для чего же ты мне говоришь о дороге в Видарбу?
О, мне страшно! О свет мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидеть, меня потерявши.
Нет, мой друг, не указывай мне на эти дороги;
Вся душа во мне замирает от горя и страха.
Если же хочешь, чтоб к сродникам я возвратилась в Видарбу,
Вместе пойдем; видарбинский царь, родитель мой, Бима
Радостно примет тебя и твоим утешителем будет;
В почести будешь со мною ты жить под отеческой кровлей».
Наль отвечал: «Дамаянти, сомнения нет, что отец твой
Радостно примет меня и пристанище даст мне в Видарбе;
Но, бесприютный и нищий, туда не пойду я. Могучим,
Славным, богатым, подателем счастья тебе я оттуда
Вышел; могу ли туда возвратиться бессильным, бесславным,
Нищим, счастья жизни твоей разрушителем? Лучше
Вместе с тобою, о светлый мой ангел, пойду в одинокий
Путь по горам, по долинам, питаюсь воздухом, жажду
Свежей росой утоляя, чтоб только лишь солнце и месяц
Ныне нас страждущих видели, прежде нас видеv блаженных».

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я

I

Т ак утешал сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нежно к нему прижимаясь, одела его половиной
Скудной одежды своей; и так под одним покрывалом,
Голод и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба к низенькой хижине, лесом густым окруженной;
Там, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Друг подле друга легли на голой земле без подушки.
Наль заснул, и скоро глубоким сном Дамаянти
Также заснула. Но сон царя злополучного длился
Мало; тяжесть лежала на сердце его; пробудившись,
Стал он думать о царстве своем, о потерянном счастье;

Странствие в диких лесах и степях его ужасало;
Ум его помутился. «Что за судьба! — про себя он
Так говорил, — не лучше ль мне смерть, чем изгнание и бедность?
Эта ж несчастная, мне себя посвятившая... должно ль
Ей без вины разделять мое заслужённое горе?
Розно со мною она к родным возвратится; со мною ж
Вместе уделом ей будет страдание одно; так не лучше ль
Нам расстаться?» Так он все думал, думал, и скоро
В нем утвердилась мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно. «Где бы она ни была, — он сказал, — никакая
Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой,
Зла приключить не дерзнет; опасность может грозить ей
Только там, где буду с ней я, на беду обреченный».
Так он, врагом обуянный, знакомился с мыслью разлуки.
«Как же мне быть? — наконец он сказал. — Я наг; уж не взять ли
Мне половину платья ее? Но могу ли то сделать
Так, чтоб она не проснулась?» И он бродил в нерешимых
Мыслях около хижины; вдруг на земле он увидел
Ржавый кинжал без ножен; поспешно, с радостью дикой
Этот кинжал он схватил и им половину отрезал
Платья у спящей жены и той половиной покрылся.
После, как будто в испуге, зажавши глаза, побежал он
Прочь, но скоро назад возвратился и горько заплакал,
Глядя на спящую. «Та, на которую ветер холодный
Дунуть не смел, которую знойное солнце не смело
Жарким лучом потревожить, краса молодая, услада
Жизни моей, подобно безумной, в обрезанном платье
Здесь на жестком камне лежит. О ангел небесный,

Свет души, Дамаянти, что будет с тобою, когда ты
Боле меня не найдешь? О дочь прекрасная Бимы,
Как же ты будешь бродить, не имея защитника в диком
Лесе, где львы и тигры живут, где змеи гнездятся?
О вы, боги земные, боги воздушные, духи
Гор и пещер, охраняйте ее прекрасную младость!
Самый же верный ей щит — ее непорочность святая!»
Так сказав, опять удаляется Наль от беспечно
Спящей спутницы, снова приходит, снова уходит,
Плача, терзаясь, то сильным врагом, то любовью влекомый.
Но наконец Кали́ одолел: трепещущий, бледный,
Тяжко стеноя, чуть движа ногами, пошел он и скоро
Скрылся, и в диком лесу одна Дамаянти осталась.

II

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
С ясной улыбкой открыла; ищет его, озираясь
Робко по всем сторонам... когда же нигде не нашелся
Друг желанный, то страх предвещательный душу пронзил ей;
Вдруг она закричала отчаянно жалобным криком:
«Наль!» — но ответа ей не было. «Царь мой, — она возопила, —
Мой повелитель, защитник, мой спутник, ужели
Мог ты покинуть меня в такой бесприютной пустыне?
Я умру от страха в этом лесу; возвратися,
Наль, мой друг, мой желанный! Ужели меня обманул ты?
Мог ли ты слово нарушить свое и меня, беззаботно

Спящую, кинуть? О, где ты? куда ты, в какую
Сторону, милый, пошел? Подожди, возвратися; как мог ты
Бросить жену, полжизни твоей? Иль над нею, невинной,
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
Ей обещал в присутствии вечных богов? О! теперь я постигла
В горе моем, что нам умереть в не указанный свыше
Час нельзя — иначе могла ли б прожить я единый
Миг, потерявши тебя? О нет, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой друг; от шуток подобных
Стынет кровь и мертвеет душа; я робка; воротися;
О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Светлые очи твои мне увидеть! О, где ты? В какую
Чашу лесную ты скрылся, чтоб душу мою растревожить?
Ах! но если ты вправду со мною расстался и если
Боле ко мне не придешь и мне не подашь в утешенье
Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбеть о тебе; ты один; что будет с тобою,
Всеми на свете оставленным, грустным, усталым, голодным,
Жаждающим? О мой милый, что будет, что будет с тобою
В те минуты, когда ты, меня уж не видя очами,
Будешь видеть душою, и будешь звать, и нельзя уж
Будет дозваться меня, и уж боле меня ты не встретишь?..»
Так говорила в печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая с тяжким рыданьем на землю, то с громким
Криком с земли подымаясь и лес наполняя стенаньем.
Вот после долгого плача, рыданья, крика и стона,
С чувством живого к нему сожаленья, она возопила:
«Кто бы ни был тот враг, чья зависть и злоба такое

Зло приключили царю моему, пускай испытает
Он, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекши в такое
Дело, все муки мои в свою нечистую душу
Примет». Так проклявши врага, по дикому лесу,
Полному злых людей и чудовищ, пошла Дамаянти
Медленным шагом куда глядели глаза и твердила
Грустною горлицей: «Милый, возлюбленный, где ты?», и слезы
Градом катились из глаз, и грудь разрывалась от вздохов.
Вдруг на нее с высокого дерева кинулась с страшным
Свистом змея, голодная, длинная, жадно добычу,
В ветвях древесных склублившись, стерегшая. Сжатая в крепких
Кольцах чудовища, только о милом своем Дамаянти
В час гибели думала. «Где ты? — она восклицала. —
Друг, поспеши на помощь ко мне, погибающей; горько,
Горько будет подумать тебе, когда возвратишься
Снова на царство, избегнув от бед, что меня ты покинул
Так беззащитно в лесу на гибель. Отныне кто будет,
О мой царь, тебя, одинокого странника, в темном
Лесе, в знойной степи, утомленного горем, болезнью,
Голодом, жаждой томимого, в зной полуденный, в жестокий
Холод ночной утешать, ободрять и покоить? меня уж
В свете не будет...» Но жалобный стон Дамаянти услышал
Шедший вблизи звероловец. Он кинулся к ней и, нацелив
Метким копьём, змею умертвил. Спасена Дамаянти.
Выпутав нежные члены ее из губительных колец,
Он с удивленьем спросил: «Откуда, красавица, кто ты?
Дева с глазами живой антилопы, какою судьбою

В эту пустыню зашла ты и вверглась в такую опасность?»
С грустно-приветной улыбкою повесть свою Дамаянти
Всю простодушно ему рассказала. Ее пред собою
Видя полуобнаженную, с девственно полною грудью,
С стройно-воздушным станом, с устами цветущими, в пышном
Шелковых черных волос покрывале, с ярким блистаньем
Черных глаз под бровями, прекрасною, тонкой дугою
Их осенившими, он во мгновение зверской любовью
Вспыхнул; и взором бесстыдным ее пожирал он, и руки
Около гибкого стана обвить он хотел, и рвался он
К чистым устам, чтоб их осквернить поцелуем. Но гневом
Очи ее, как небесная молния, вспыхнули; грозно
Душу пронзающий взор на него она устремила.
«Если то воля бессмертных, чтоб мною владел без раздела
Данный мне ими супруг, то теперь же пади бездыханен,
Враг ненавистный, на землю!» — сказала она, и лишь только
Гневное слово язык произнес, как уже святотатец¹
Мертв перед нею лежал, убитый ее заклинаньем.

III

Чудом спасенная, снова пошла Дамаянти пустынным
Лесом вперед, и чем далее шла, тем мрачней становился
Лес; деревья сплетались ветвями; мошки, густою
Тучей клубясь, жужжали; рыкали львы, и ужасный

¹ Святотатец — человек, совершивший святотатство: оскорбление, поругание чего-либо святого, всеми почитаемого.

В хворосте шорох от тигров, буйволов, рысей, медведей
Слышался ей; нигде дороги не было; всюду
Падшие гнили деревья; меж трупами их пробивались
Дикие травы, в которых, шипя, ворочались змеи;
Вправе и влеве, в кустах и в вершинах деревьев раздавались
Крики орлов плотоядных, и хлопали крыльями совы.
Лес наконец уперся в высокую гору, где жили
С давних лет великаны и карлы, которой вершина
В небо вдвигалась, а темное чрево хранилищем редких
Камней было. Там чудно скалы на скалы громоздились;
Били живым серебром по бокам их ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипели, ревели меж скал; неподвижно
Черная тень лежала в долинах, и ярко блистали
Голые камни вершин; в бездонно-глубоких пещерах
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, с неизменной
Верностью к другу, ей изменившему, с сердцем смиренным,
С чистым в душе целомудрием, с верой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла в пустынное место; и в грустных
Мыслях о друге далеком младые уста растворила
К жалобе нежной и так, помяная его, говорила:
«Где ты, царь благородный, нишадец прекрасный, могучий?
Где ты? Куда ты пошел, мой владыка, покинув в безлюдном
Месте меня без защиты? Скажи мне, как мог ты, усердный
Жертв приноситель богам, позабыть о нашем союзе?
Ведды ¹ читатель, как мог ты обет свой нарушить? Как можешь

¹ В е д д ы (правильно — Веды) — древнейшие памятники древнеиндийской литературы, сборники молитв, гимнов, заклинаний.

Добрым молиться богам, повелевшим тебе быть защитой
Данной ими жены, как и мне они повелели
Следовать в самую смерть за владыкой моим? О! Зачем ты
Слово нарушил? Виной ли какою я то заслужила?
Или тебе не жена я? Скажи же, ответствуй, зачем ты
Так жестоко отрекся меня, обещав мне иное?
Или открой мне, где ты теперь веселишься, оставив
В горе меня безутешном? Ответствуй, куда ты, нишадский
Царь, ушел? По тебе твоя видарбинка тоскует;
Сын Виразены могучего, дочь благодушного Бимы
Кличет тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
Голос подай ей в этой пустыне; ей здесь угрожает
Леса властитель, кровавый, голодный тигр; неужели
Ты ответа не дашь мне, грустящей, плачущей, ждущей,
Брошенной, слабой, иссохшей от голода, пылью покрытой,
Ночью и днем бесприютной, одежды лишенной, бродящей
В страхе, как матки лишенная лань? Неужели ко мне ты,
Друг, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
Всюду с тобой лишь одним говорю, а ты безответен;
Ты, из людей благороднейший, блеском очей, величавой
Стройностью стана, лица красотою божественный, где ты?
Где ты? И где тот, кому б мне сказать: *не видал ли ты Наля?*
Кто б мне отрадное слово промолвил в ответ: *твой прекрасный,*
Твой желанный, о ком ты так плачешь, так сетуешь, близко! —
Вот бежит владыка лесов, острозубый, могучий
Тигр; я без страха к нему подойду и скажу: благородный
Тигр, владыка лесов, я царская дочь Дамаянти,
Светлого Наля жена, одинокая, сирая, в горе,

В страхе, в пужде, за ним безотрадно бродящая; где он?
Если ты знаешь об этом, зверей повелитель, скажи мне;
Если же нет, то скорее меня растерзай, чтоб от муки
Душу мою исцелить. Но, мои молящие вопли
Слыша, зверей повелитель к реке, впадающей в море,
Мимо, ответа не дав мне, из леса уходит. Я вижу,
Там подымается, в небо упершись вершиной, обвитый
Пышным венцом из деревьев и кустов благовонных, цветами
Ярко пестреющий, солнечно-блещущий, слитый из твердых
Скал, насквозь просиянный металлами, рек и потоков
Древний отец, лесов неприступная башня, пустыни
Сторож, владыка гор, — подойду и скажу: о владыка
Гор первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучеподобный, земли подпиратель, тебе поклоняюсь;
Слезно тебя, о великий, молю, скажи: не видал ли
Наля? Я дочь благодушного Бимы царя, Дамаянги;
Сын Виразены, Наль Пуньялока, супруг мой, Нишады
Царь богомудрый, глубоко постигнувший Ведду святую,
Чистый и мыслью, и словом, и делом, гонимых защитник,
Зла истребитель, сеятель благ, мне данный богами
Спутник, покинул меня, и, расставшись с ним, я рассталась
С жизнью. Ныне к тебе прихожу, многоглавный властитель
Гор, с высоты все объемлющий оком, скажи: не видал ли
Наля? Ответствуй, могучий создания первенец; словом
Сладкой надежды утешь сироту, как отец утешает
Дочь сокрушенную: где мой возлюбленный? где мой желанный?
Где мой прекрасный, мой более жизни мне милый соратник?
Где мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангел-хранитель?

Рвется сердце к нему; по нем душа унывает;
Очи ищут его, и голоса милого жаждет
Слух, и грудь сгорает желаньем прижаться ко груди
Жаркой его... О! когда же придется услышать мне снова
Милое слово из сладостных Налевых уст: *Дамаянти!*»
Так говорила в своем сокрушеньи с горою пустынной
Бедная царская дочь, но гора не дала ей ответа.

Г Л А В А П Я Т А Я

I

К северу лесом пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдруг перед нею явилась чудесно густая
Роща из райских дубов; кругом живая ограда
Вся в цвету, и исполнена тихим небесным сияньем
Внутренность. Там обитали отшельники, мира отрекшись,
Строгие постники, чувств обуздатели, помыслов светлых
Полные, чистой душой на земле небожители, в этой
Роще жили они, с собою розно, с одними богами
В тесном союзе; им пищей роса и воздух, одеждой
Листья древесные были. Дивясь, смотрела на этот

В дикой пустыне сокрытый эдем¹ Дамаянти; там было
Все благовонно; цветы и плоды сияли меж темных
Листьев; сверкали ручьи; на их берегах антилопы
С легкими сернами прыгали; ветви обвивши хвостами,
С криком качались на них обезьяны; по сучьям деревьев
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темно-кудрявая, сладостно-стройная, тихо, как будто
Вея по воздуху, к старцам святым подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она им сказала:
«Мир вам, угодники; трудное дело спасенья успешно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылает огонь покаянья?
Звери и птицы спокойны ль в обители вашей? Самим вам
Всё ли во благо?» Они отвечали: «Всё нам во благо;
Будь равномерно во благо всё и тебе. Но скажи нам,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Нас светлый
Образ твой всех изумил; успокойся у нас и открой нам,
Кто ты? Богиня лесов, иль полей, иль потоков?» На то им,
Тихо вздохнув, Дамаянти сказала в ответ: «Не богиня
Я лесов, полей и потоков, но слабая, тяжким
Горем гнетомая смертная женщина; вам, благодушным
Старцам, я все расскажу. Владыка Видарбы, могучий,
Славнодержавный Бима — отец мой; властитель Нишады,
Грозный могуществом, в каждом бою победитель, великий,
Светлый душою, неба достойный земли уроженец,
Правды защитник, правды вещатель, божественно-царским

¹ Э д е м — рай.

Блеском сияющий, градохранитель, градорушитель,
В светлых очах и солнца и месяца блеск совместивший,
Наль, мой супруг, игроком коварно-искусным был вызван
В кости играть; и ему все царство свое проиграл он.
Имя мое Дамаянти; одна по лесам и пустыням
Вслед за Налем скитаюсь, крушимая горем, и ныне,
Старцы смиренные, к вам прихожу, чтоб узнать, не встречался ль
Где-нибудь вам мой утраченный царь? Не видали ль в эдемской
Роще своей вы его, за которым я следуя, этот
Полный тиграми лес перешла? Скажите мне, старцы,
Встречу ль его? А ежели нет, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мне она? Одно нестерпимое бремя
Жизнь без него, усладителя жизни». На жалобы царской
Дочери с нежным об ней сожалением так отвечали
Старцы, читая пророчески в будущем: «Праведны боги!
Веруя им, не смущайся душою, прекрасная; светлы,
Тихи и чисты, как очи твои, невинности ясной
Полные, будут грядущие дни для тебя; то являет
Нам откровение свыше: ты снова увидишь супруга;
Снова он будет царем, от вины невольный чистый,
Царски венчаный, грозный врагам, утешение ближним,
Скорби твоей исцелитель, жизни твоей украшеньё,
Прежний твой друг, твой сопутник, советник, защитник — и всё то
Сбудется, если в тебе не ослабнет терпенье и верность...»
То сказавши, тихо исчезли пустынники; с ними
Вместе и утвари их, и жертвенный огонь, и молитвы
Место, и свежесть эдемски сияющей рощи исчезли...
В темном лесе одна Дамаянти осталась, и было

Все пустынно кругом. Дамаянти сказала: «Не сон ли Мне привиделся? Где святые отшельники? Где их Роща? Где их живые ключи, их птицы, их звери? Где их цветы благовонные?» Так в изумлень подумав, Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный Призрак ее ободрил, и пошла с упованием дале.

II

По лесу долго скиталась в гóре своем Дамаянти;
Вдруг попадается ей дерево, одаренное чудной
Силою душу целить; у людей его называют
Дерево Гореуслад, у богов *Азока*. Царевна
К этому дереву, лес оживлявшему запахом сладким,
Цветом покрытому, с сенью густою, проникнутой звонким
Пением птиц голосистых, тотчас подошла и заводит
Речь с ним такую: «Блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореуслад, благовонный *Гореуслад*, услади ты
Горе мое; цветущий *Азока*, скажи, не видал ли
Ты моего супруга, царя нишадского Наля?
Где он скитается? Помнит ли он обо мне? О! порадуя
Сердце мое доброю вестью о нем, цветоносный *Азока*;
Дай мне уйти от тебя с утешением; сам же в приюте
Леса цветы, никем не обиженный, чистый, душистый,
Сладостный *Гореуслад*, усладитель всякого горя».
Так говоря, сорвала Дамаянти с чудного древа
Ветку; потом, с ним прощаясь, примолвила: «С этою веткой

Скорбь, и печаль, и нужду, и заботу беру я с собою:
Ты же, свободный от скорби, печали, нужды и заботы,
Здесь оставайся и, если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
Дай ему тень и покой, чтоб под кровлей твоей беспечальной,
Гореулад, он мог, отдохнув, усладиться от горя».

С сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустынным лесом пошла, и снова пред нею
Стали являться деревья с широкою сенью, крутые
Горы, скалы разнообразные, тёмные дебри, потоки;
В ветвях деревьев гнездились, шумели, порхали и пели
Птицы лесные, и всюду ей в дикой глуши попадались
То кабан, то шакал, то буйвол, то рысь, то пантера.
Так Дамаянти скиталась долго. Вдруг на широкой,
Чистой поляне представился ей караван многолюдный;
Лес оглашался криком людей, скрипением повозок,
Ржанием конским, топотом тяжким слонов и верблюдов.
Вдоль широкой реки, густым тростником опушенной
(Где укрывались цапли и белые лебеди звучно
Голос свой подавали, где светлая влага кипела
Множеством рыб, черепах и змей), караван тот тянулся.
Кинулась к людям навстречу царевна; ее появленье
Всех поразило; полунагая, одним покрывалом
Шелковых длинных волос, по плечам и грудям в беспорядке
Вьющихся, чудно одетая, бледной подобная тени,
С горя иссохшая, вся в пыли, но всё как небесный
Ангел прекрасная, — так им явилась в лесу Дамаянти.
В страхе одни от нее убежали, другие безмолвно

Ей смотрели в лицо, иные смеялись, иные,
Боле имея рассудка, приблизились к ней с состраданием.
«Кто ты, образ небесный? — спросили они. — Для чего ты
В этом лесу? Земной ли ты человек, иль созданье
Высшее, горный, могучий дух, иль дева потока,
Или иная бессмертная? Будь нам встреча с тобою
Знаменем добрым. Тебе мы себя предаем, чтоб дорогу
Наш караван совершил безопасно». На это, вздохнувши,
Царская дочь отвечала: «Не с неба сошла я; земная,
Бедная, жалкая странница я; мой отец — видарбинский
Царь; мой супруг — обладатель Нишады, Наля знаменитый;
С ним в разлуке, его я ищу и не ведаю, где он.
Если что слышали вы о владыке моем, то скажите,
Где мне с ним встретиться, где я найду прекрасного Наля,
Наля, царя львиносердного, грозно-отважного в битвах?»
Вождь каравана, богатый купец, по имени Зуччи,
Ей отвечал: «Нигде на путях, по которым давно уж
Странствуем мы, нам донныне никто не встречался, кто б имя
Наля имел; оленей, медведей, буйволов, тигров
Много в этом лесу; но до сих пор еще человека,
Кроме тебя, мы здесь не видали». — «Куда ж вы идете?» —
Снова спросила его Дамаянти. «Идем в знаменитый
Город Шедди, — отвечствовал Зуччи, — им ныне владеет
Царь Сувергú, и в царском дворце его обитает
Вместе с ним его благодушная мать, драгоценный
Перл добродетели женской». Услышав о том, Дамаянти
В город Шедди решила идти; пристать к каравану
Зуччи ее пригласил. С караваном пошла Дамаянти.

III

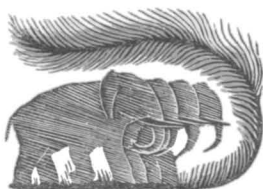
Долго с печалью одна бродив по лесам, Дамаянги
Спутников много имела теперь, но была и меж ними
Все, как и прежде, с печалью одна. По горам, по долинам
Шумным потоком валил караван. Вот однажды с закатом
Солнца они очутились у тихого озера; в темном
Лесе скрывалось оно; берега облекались зеленым
Бархатом свежей травы; как стекло, неподвижно-прозрачны
Были воды; и в чистом зеркале их водяные
Розы и лилии ярко сияли, и бисером пены
Легкие струйки, ласкаясь к ним, осыпали их листья.
Берег кругом был излучист, и воды в него то глубокой
Бухтой входили, то он в их широкое лоно зеленым
Мысом вдавался. Усталые путники, в этом приятном
Месте ночлег учредив и снявши с слонов и верблюдов
Лишнее бремя, спокойно легли на траве под открытым
Небом и скоро заснули. Вдруг в полночь (когда в караване
Все как мертвые были от сна) с горы прибежала
С страшным храпеньем стая диких слонов, чтоб в потоке
Жажду свою утолить, пылая томительным жаром.
Но, почуявши близость слонов каравана, с свирепым
Бешенством пенясь и фыркая, кинулись все на заснувших
Смирных врагов; никакою силою грозных чудовищ
Было нельзя удержать; как в долину, сорвавшись с высокой
Горной вершины, катятся скалы, так, ломая деревья,
Вдруг слоны ворвались в караван и топтали лежащих
Сонных людей. Со стоном и криком все поднялись,

Все смешались — слуга, господин, старик и младенец;
Ночью, страхом и сном обуянные, сами не зная,
Что за беда и откуда, кто в лес, кто к воде побежали;
Слыша храпенье и топот, видя во мраке мельканье
Черных огромных теней, давимые тяжкой ногою,
Острым клыком пронзенные, сжатые хоботом сильным,
В диком беспамятстве, люди, верблюды и кони бросались
Друг на друга и сами в смятенье друг друга губили,
Сияясь спастися: те кучей на дерево лезли, цепляясь
Низшие за ноги высших, и падали вместе, другие
В яму свергались, иль набегали на камень, иль в воду
Слепо кидались; разом исчез караван многолюдный.
Многих в минуту всеобщей беды корысть обуяла;
Голос лукавый шепнул им: «Куда вы бежите? погибель
Общая — общим и всякое стало богатство; берите
Все, что достанется в руки; вот куча рассыпанных перлов,
Вот драгоценные камни, вот золото, смело хватайте;
Нищий нынче — завтра будет богач...» И погибли
Все, кто, предавшись корысти, замедлили бегством спастися.
В это мгновенье, когда, как поток, разливалась повсюду
Гибель, проснулась хранимая силой богов Дамаянги.
Видя очами такой дотоле невиданный ужас,
Видя и слыша, как мчалась смерть над ее головою,
Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила
Только о милом, далеком, навек покидаемом друге.
Но когда миновалась буря и снова все стало
Тихо в лесу, собрались понемногу спасенные. «Чем мы
Гнев несказанный такой на себя от богов обратили? —

Так рассуждали они. — Позабыли ль почтить мы дарами Бога, сокровищ хранителя? Иль караваном был встречен Кто-нибудь, дерзкий хулитель бога торговли? Иль птицы, Нам враждебные, в эту ночь пролетели над нами? Или то было влиянье зловредных планет?..» Напоследок Вот что сказали они: «Вся беда нам от встречи С этой безумной, нагой, исчахлой и бледной бродягой. Кто она? Чародейка, жена иль дочь великана, Небом проклятая? Если опять на глаза попадетса Эта волшебница нам, то ее мы не добрым приветом — Камнями встретим. Она своим колдовством погубила Наш караван». Такие слова в темноте Дамаанти Слыша, с печалью, стыдом и страхом в чащу лесную Скрылась. «О горькая участь моя! — она говорила, Тяжко рыдая. — О счастье, меня обманувшее! Снова Целым светом покинута я. Какою виною Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я Делом, иль словом, иль мыслию зло приключила? Знать, в прежней Жизни¹ была я преступна; за то и в теперешней должно Мне до гроба страдать, за то и гоненье такое Мне от людей, за то и разлука с супругом, утрата Царства, от милых детей и от милых родных отлученье, Странствие по лесу, полному тигров и змей, неприютность В холод и зной, нищета, сиротство, и ужас, и горе».

¹ В прежней жизни. — По индуистским религиозным понятиям, человек после смерти вновь появляется на земле, но уже в другом образе: человека, иногда животного и даже растения. В новой жизни он может нести наказание за дурные поступки, грехи, совершенные в предыдущих существованиях.

Утро меж тем занялось; в небольшую толпу собралися
Все не погибшие в страшную прошлую ночь и в дорогу
Снова отправились, плача о горькой утрате богатства,
Плача о мертвых друзьях. Вот снова покинута ими
В диком лесу Дамаянти, и горе ее превышало
Все их страдания вместе. «О! чем же, чем (говорила,
Плача, она) такую беду на себя навлекла я?
Злая участь моя и слонов приманила на гибель
Этих несчастных, мне давших защиту; за то и должна я
Долгим страданьем свой выплатить долг; я чувствую в тяжком
Горе моем всю истину древнего слова: без воли
Неба никто не умрет, и моей истерзанной груди
Хобот слона не коснулся. Так! без судьбы совершиться
С нами ничто не может на свете; я за собою
С самых младенческих лет никакого не ведаю злого
Дела, не помню ни мысли худой, ни виновного слова —
В том ли мое преступленье, что я для прекрасного Наля
Светлых отвергла богов, и не мстят ли уж гневные боги
Мне за земную любовь безотрадной земною печалью?»
Так говоря, Дамаянти пошла по следам каравана
Издали, в чаще таяся лесной, как в облаке месяц.

Г Л А В А Ш Е С Т А Я

I

от наконец Дамаянти дошла до города Шедди.
Грустно стояла она у ворот, не входя в них, стыдяся
Бедной одежды своей, обрезанной Налем, и смятых
Долгих волос, в беспорядке ей грудь покрывавших.
Жители города Шедди, встречаясь с ней, удивлялись
Странному виду ее, а дети за нею бежали
С криком; их шумной толпою следимая, скоро к палатам
Царским пришла Дамаянти. Там, на площадке высокой
Кровли, мать царева стояла. Увидя идущую, старой
Мамке своей сказала она: «Поди пригласи к нам
Эту жалкую странницу, чистый, дымом затменный
Огонь красоты, народом теснимую. Верно, приюта
Ищет она. Я вижу в ней нечто высокое; дом наш

Светом наполнит она благодатным». Представилась старой
Матери царской младая царская дочь. И царица,
Ласковым взором встретя ее, сказала приветно:
«В самом затменье печали твой образ сияет, как в темной
Туче яркая молния. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и покрыто
Нищенским рубищем тело твое; одна, без защиты
Странствуешь ты по земле и людей не страшишься, как чистый
Ангел. Скажи ж мне, какое званье твое?» Дружелюбной
Речью такой ободренная, так Дамаянти сказала:
«Я не ангел, царица, я смертный простой человек; но породы
Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой с супругом,
Вслед за ним, чтоб его отыскать, по земле я скитаюсь,
Женским себя рукодельем питаю; плоды и коренья
Пища моя, а пристанище там, где укажут мне боги.
Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцем избранный,
Милый супруг мой расстался со мною; царица, несчастлив
Был он; в игре роковой свои все богатства утратив,
Нищим он дом свой покинул и в лес с одною одеждой
Скрылся; за ним я пошла, чтоб имел он в печали отраду.
Там, изнуряемый голодом, он, на несчастье рожденный,
Платье последнее с плеч потерял: кто богами назначен
В жертву беде, у того похищает и ветер и птица
Платье; и днем и ночью я шла за ним, беспокровным.
Раз случилось, что я, утомленная, в лесе заснула...
Ах! он скрылся, он бросил меня, он унес половину
Бедной одежды моей. С той поры и денно и ночью
Вслед за ним, весельем и светом души, я по темным

Диким лесам, по широким степям, по долинам
Странствую; мне половину одежды моей возвратить он
Должен иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; как одной половине одежды другая
Надобна, так и мне другую себя половину
Должно найти иль жить перестать». С состраданьем царица,
Выслушав жалкую повесть ее, отвечала: «Останься
С нами, блаженно-скорбящая; радовать будет мне сердце
Светлая близость твоя. Не медля нимало, повсюду
Мы разошлем гонцов за супругом твоим; но случиться
Может, что он ненароком зайдет и сюда, где его ты
Будешь ждать в безопасно-спокойном приюте». На то ей,
Горе свое обуздав, сказала в ответ Дамаянти:
«Здесь я охотно останусь, если ты мне обещаешь
Дашь, царица, условие исполнить такое: чтоб низкой
Должности я не имела, служа лишь тебе, чтоб объедков
В пищу мне не давали, чтоб доступ ко мне запрещен был
Всем мужчинам, чтоб каждый, кто мной овладеть пожелает,
Смертью наказан немедленно был, — такую дала я
Клятву богам, чтоб найти помогли мне супруга; видаться ж
Только с одними браминами¹ буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условие мое, то здесь с благодарным
Сердцем останусь». На то отвечала царица: «Исполню
Все, и свят для меня твой обет». Потом приказала
Вызвать из внутренних царских покоев царевну Сунанду,
Дочь свою. Скоро царевна явилась, венком многоцветным
Резво-преlestных подруг окруженная. «Видишь, Сунанда,

¹ Б р а м и н, б р á х м а н — жрец, ученый.

(Мать ей сказала) эту пришлицу в бедной одежде?
Ей ты летами ровесница; но испытания жизни
Дали ей раннюю зрелость. Люби ты ее как подругу;
Ласково с ней обходись и ее уважай, чтоб с тобою
Сердце ее отдохнуло, чтоб ты в сообществе с нею
Пользу нашла для души». Сунанда, с веселостью детской
За руку взяв Дамаянти, ее увела. И осталась
С той поры Дамаянти подругой царицы Суланды.

II

Наль, столь жестоко покинув свою Дамаянти, прискорбен,
Сумрачен шел по пустыне и, сам пустыня, с собою
В горе расстаться желал. Когда раскаленное солнце
Зноем пронзало его, он ему говорил: «Не за то ли,
Солнце, ты жжешь так жестоко меня, что я Дамаянти
Бросил?» Он горько плакал, когда на похищенный лоскут
Платья ее глаза обращал. Изнуряемый жаждой,
Раз подошел он к ручью; но, в водах увидя свой образ,
С ужасом кинулся прочь. «О! если б я мог разлучиться
С этим лицом, чтоб быть и себе и другим незнакомым!» —
Он воскликнул и в лес побежал; и вдруг там увидел
Пламя — не пламя в лесу, а в пламени лес, — и оттуда
Жалобный голос к нему вопиял: «Придешь ли, придешь ли
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Будь мой спаситель, и будешь мною спасен». Изумленный
Наль спросил: «Откуда твой голос? Чего ты желаешь?
Где ты и кто ты?» — «Я здесь, в огне, благородный, могучий

Наль. Ты будешь ли столько бесстрашен, чтоб твердой ногою
В пламя вступить и дойти до меня?» — «Ничего не страшусь я,
Кроме себя самого, с той минуты, когда я неверен
Стал моей Дамаянти». С семи словами он прямо
В пламя пошел: оно подымалось, лилось из глубоких
Трещин земли, вырастая в виде ветвистых деревьев,
Густо сплетенных огнистыми сучьями, черно-багровый
Дым венчал их вершины. В сем огненном лесе
Наль очутился один — со всех сторон устремлялись
Жаркие ветви навстречу ему, и всюду, где шел он,
Частой травой из земли пробивалось острое пламя.
Вдруг он увидел в самом пылу, на огромном горячем
Камне, змею: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она под своей чешуей раскаленной.
Голову, светлой короной венчанную, тяжело поднявши,
Так простонало чудовище: «Я Керкóта, змеинный
Царь; мне подвластны все змеи земные; смиренный пустынный
Старец Нерáда проклял меня и обрек на такую
Муку за то, что его я хотел обмануть. Ты, рассказ мой
Слушая, стой здесь покойно: стой покойно под страшным
Пламенем, жарко объявшим тебя, чтоб оно затушило
Бурю души, чтоб душой овладевший Калí был наказан,
Чтоб наконец ты, очищенный, снова нашел, что утратил».

III

«Слушай же повесть мою, — продолжал, задыхаясь от жару,
Царь змеинный; и Наль, терпеливо снося нестерпимый

Пламень, внимательно слушал. — Нерада, смиренный пустынный,
Чудный сад насадил вокруг кельи своей; и в саду том
Были все земные деревья и травы, и было
Много там светлых ручьев и сѣней прохладно-тенистых.
В этот сад пригласил он всех незловредных животных,
Всех ходящих, летающих, скачущих, плавать иль ползать
Созданных; всех же зловредных, терзающих зубом, когтями
Рвущих иль жалом пронзающих проклял и вход запретил им
В сад свой. Из змей, мне подвластных, в него проникать он дозволил
Только одним не имеющим жала, безвредно по травке
Вьющимся, рѣсу собирая с цветов иль из ягод сосущим
Сок благовонный. Из этих красивых, незлобно-веселых
Змеек одна, любопытно-отважная, резвая змейка,
Раз без всякого умысла злого в саду по деревьям
Ползала, ярко блестя чешуею на солнце; вдруг видит
Домик воздушный, сплетенный из тонких былинки и моха;
Он на ветке висел и качался, как люлька; то было
Гнездышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
Не было в нем: она улетела за пищей; яички,
Легким прикрытые пухом, лежали в гнезде. Перегнувши
Тонкую шейку свою через ветку, в гнездо опустила
Голову змейка — и видит яйцо там лазурного цвета;
Каплей росы оно показалось, и змейке напиться
Вдруг захотелось; лизнула яйцо; яйцо раскололось.
В эту минуту птичка в гнездо прилетела; увидя,
Что там наделала змейка, бросилась с жалобным криком
Прямо к Нераде она. Нерада во гневе ужасен.
Тут же погибла бы змейка, когда б не успела проворно

Из сада скрыться. Она спаслася ко мне. Но блаженный
Старец потребовал строго, чтоб я преступницу выдал.
Я не посмел отказать; я спросил: «Чего ты желаешь?
Как повелишь ее мне казнить? Я царь; самому мне
Должно виновных наказывать подданных». — «Видеть хочу я
Завтра ж ее на заборе сада висящую, — строго
Мне отвечал Нерада, — потом, по прошествии трех дней,
Сам я ее перед всеми сожгу, чтоб вперед опасался
Кто бы то ни было сад мой тревожить зломышленным делом».
Был мне прискорбен такой приговор; как родную, любил я
Эту милую змейку; поспешней других и вернее
Вести она приносила ко мне. Предо мной извиваясь
В страхе, с молитвой она ко мне подымала головку.
Я ей сказал: «Проворней вылезь из кожи». Не нужно
Было того повторять; в минуту в новой одежде
Змейка явилась моя, на земле предо мною оставив
Старую. Тотчас, двух сильных удавов призвав, я велел им
Кожу пустую с приличным обрядом повесить на тыне
Сада. Когда через три дня он снимет ее, то, конечно,
Станет думать, что солнце ее иссушило, — так мыслил
Я, упоая, что мой мне удастся обман. И доволен
Был Нерада моим послушаньем, увидя на тыне
Кожу висящую; ветер ее колыхал. «Как живая, —
Молвил Нерада, — она гибка и вертлява; но краски
Кожы потускли: бледная смерть ее обхватила».
Тем бы и кончилось все, когда б, на беду, не пропела
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственным мщеньем себя ей хотелось потешить; к висящей

Коже она подлетела, чтоб оба глаза у мертвой
Выклевать — что же? Их нет; сквозь пустые скважины также
Видит она, что и внутренность кожи пуста. И к Нераде
Тотчас она полетела. «Тебя обманули: змеиный
Царь не змейку, а змейкину кожу повесил», — пропела
Птичка. Страшно Нерада разгневался; вдруг он явился
Здесь, где тогда я на этом камне лежал и на солнце
Грелся один — при мне ни ужа, ни змеи, ни дракона,
Стражей моих, тогда не случилось; я спал. На громовый
Голос Нерады проснувшись, хотел я вскочить, но, могучим
Взором его обессилен, не мог шевельнуться. «Предатель, —
Старец сказал мне, — меня обмануть тебе удалось:
Призрак за сущность я принял; змеиную кожу пустую
Вместо змеи я предал огню, и виновную спас ты.
Сам за нее наказание прими. Не сойдешь ты отныне
С этого камня; но будешь здесь не на солнечном свете
Греться — я пламя иное зажгу вокруг тебя; не стораю,
Будешь гореть в нем, шипя и свистя от тоски и меняя
Кожу за кожей в напрасной надежде, что жар утолится.
Кончатся ж муки твои лишь тогда, как к тебе издалека
Некто придет, самому себе ненавистный и образ
Свой утратить желающий. Если его из середины
Пламени ты позовешь и он бесстрашной стопою
В пламень войдет, чтоб избавить себя от мучений, сильнее
Муки твоей его раздирающих; если достанет
Твердости в нем, чтоб среди нестерпимого жара спокойно
Выслушать повесть твою, — тогда ты спасен, прекратится
В ту же минуту твое наказание, и сам, по исходе

Года со днем, он всё возвратит, о чем сокрушается сердцем.
Но чтоб в страданье своем ты мог к себе издалека
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Он называется Налем». С сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдруг услышал я шорох и треск; озираюсь —
Всюду из трещин земли, как острые иглы, выходит
Пламя, все гуще и гуще растет, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылает; прикованный к камню,
Чувствую я, как все подо мною, как все надо мною —
Камень, на коем лежал я, и воздух, коим дышал я, —
Мало-помалу в пронзительный жар обращалось; сначала
Было то пламя как тонкая, гибкая травка; слилося
Скоро оно в кустарник густой; напоследок воздвиглось
Лесом широким, в котором каждое дерево было
Все из огня; языками горящими листья шумели;
Ветви со всех сторон вились как молнии; в вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дым громовую
Тучей над ними клубился. Теперь на себе испытал ты,
Наль бесстрашный, муку мою. Напрасно я жался:
Пламень вытягивал тело мое до тех пор, покуда
Кожа на нем не лопалась; снова потом на минуту
Я сжимался, чтоб снова вытерпеть то же мученье.
Целых семь лет протекло с той поры, как лежу я на этом
Камне в огне, а времени медленный ход замечал я,
Каждый час повторяя однажды: *придешь ли, придешь ли*
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Вот накопец и пришел ты. Но знай, что здесь о тебе я

Частые слухи имел; мне подвластные змеи, которым
Все на земле дороги известны, ко мне ежедневно
Змеек-гонцов присылали, и каждая, верно исполнив
Долг свой и весть передав мне, в огне предо мной умирала;
Видишь, как много здесь собрано кож их истлевших. От них-то
Мог я проведать о том, как ты полюбил Дамаянги;
Как цари и царевичи созваны были в Видарбу;
Как мой гонитель Нерада, пресытаясь земными плодами,
Сад небесный богов посетил; как там он посеял
Сладостных слов семена, от которых мгновенно желанье
Выросло в сердце богов на землю сойти; как богами
Был ты послан в Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
Также и то, что тебе самому досель неизвестно:
Как закрался Кали́ в твое непорочное сердце.
Сведая, что царство свое ты утратил, что вместе с супругой
Бродишь нагой по горам и степям, что ее, наконец, ты
Сам покинул, я был утешен надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылось. Благословляю,
Наль, и тебя и приход твой; уже мучительный пламень,
Жегший доныве меня, уступает сходящей от неба
Сладостной свежести. Наль, не страшись, приступи и, на палец
Взявши меня, из пламени выдь». Керкота умолкнул,
Свился проворно легким кольцом и повиснул на пальце
Наля; и с ним побежал из пламени царь, и при каждом
Шаге его оно слабело и гасло и скоро
Все исчезло, как будто его никогда не бывало.
Свежий почувствовав воздух, трепетом сладким спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись от Налева пальца,

Змей бесконечной чешуйчатой лентою вдруг растянулся;
С радостным свистом пополз к тому он ручью, где, увидев
Образ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
Всунул голову в воду и с жадностью долгую жажду
После толь долгого жара стал утолять — истощились
Воды ручья, а змей по-прежнему сделался полон.
Силы свои возвратив, он, блестя чешуею на солнце,
Налю сказал: «Подойди; перед нашей разлукой ты должен
Зубы мои перечесть; в таком долголетнем от муки
Скрежете много зубов я мог потерять иль испортить».
Наль подошел: перед ним оскалились зубы; считать он
Начал: первóй, другой, четвертый. «Ошибся, ошибся, —
С гневом царь-змей зашипел, — ты не назвал третьего зуба».
С этим словом кольнул он третьим, неназванным зубом
Налю в палец — и тут же почувствовал Наль, что с собою
Он как будто расстался; сперва свой собственный образ
В зеркально-светлом щите, на царевой шее висевшем,
Он увидел; потом тот образ мало-помалу
Начал бледнеть и скоро пропал; и мало-помалу
Место его заступил другой, некрасивый; и Налю
Стало ясно, что был это образ его же, и боле
Не был он страшен себе самому в таком превращеньи.
«Видишь, — Керкота сказал, — что желанье твое совершилось;
Ты превращен, ты расстался с собой, и отныне никем ты,
Даже своею женою, не можешь быть узнан. Простимся;
В путь свой с богами иди и не мысли, чтоб мог быть опасен
Яд мой тебе; не в твое он чистое сердце проникнул,
Нет! а в того, кто сердцем твоим обладает: отныне

Будет он жить там и мучиться. Ты ж, превращенный, с надеждой
Путь продолжай; ищи в чужих странах пропитанья;
Но не забудь о стихийных дарах, от богов полученных
В брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
Наль, об этом; и также твое искусство конями
Править тебе сохранилось. В царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; там увидишь царя Ригуперна;
Нет на земле никого, кто с ним бы сравнился в искусстве
Счета и так бы в кости играл. «Я Вагука, правитель
Коней», — скажи ты ему про себя; и если он спросит,
Много ли можешь в день проскакать, «Сто миль», — отвечай ты.
Он твоему научиться искусству захочет; за это
Сам научит тебя искусству считать; без него ты
В кости все царство свое проиграл. И как скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, следа не оставив;
В ту же минуту, когда, и жену и детей отыскавши,
Прежний свой вид возвратить ты захочешь, лишь только об этом
Часе вспомни и в этот щиток поглядишь; кто владеет
Этим щитком, того на земле все змеи боятся».
Так говоря, Керкота одну из зеркально-светлых
Шею его украшавших чешуек снял и, подавши
Налю, примолвил: «Носи ее на груди; в роковое
Время эта чешуйка тебе пригодится». Потом он
Скрылся; а Наль остался в лесу один, превращенный.

Г Л А В А С Е Д Ь М А Я

I

Наль, разлучившись с змеем, пошел в Айодское царство
Службы искать у царя Ритуперна, который давно уж
Принял к себе и Варшнею, прежде служившего Налю.
Мудрый царь Ритупери, великий конский охотник,
Лучших искусников править конями сбирал отовсюду.
Наль, через десять дней пришедши в Айоду, к царю Ритуперну
Тотчас явился. «Я конюх Вагука, — сказал он; — в искусстве
Править конями мне равного нет; сто миль проскакать их
В день я заставить могу. И во многом другом я искусен:
Пищу никто так вкусно, как я, не умеет готовить.
Всякое дело, для коего нужны и труд и уменье,
Взять на себя я готов и к тебе, царю Ритуперну,

В службу желаю вступить». Ритуперн отвечал благосклонно:
«В службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отныне
Главным конюшим моим; надзирай за моими конями,
К скачке проворной их приучая; за службу же будешь
Сто золотых получать. Товарищ твой будет Варшнея,
Конюх искуснейший в деле своем, с ним старый Джевала,
Мой заслуженный конюший, и много других; ты без скуки
Будешь с ними досуг свой делить; и свободен ты делать,
Что пожелаешь. Будь главным моим конюшим, Вагука».
Вот и служит конюшим Наль у царя Ритуперна,
Царь без царства, муж без жены, изгнанник, лишенный
Даже лица своего, и Варшнея, ему так усердно
Прежде служивший, теперь уж товарищ ему: под одною
Кровлей они; но чужды друг другу, и вместе и розно,
Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
Гибели Наля-царя сокрушаясь, а Наль по супруге,
Брошенной им, ежечасно тоскуя. И было то каждый
Вечер, что Наль, убравши коней, один затворялся
В стойле и пел там все ту же и ту же печальную песню:
«Где, светлоокая, ты одинокая странствуешь ныне?
Зноем и холодом, жаждой и голодом в дикой пустыне
Ты, изнуренная, ты, обнаженная, вдовствуя бродишь.
Где утешение, в чем утоление скорби находишь?»
Так он пел. И однажды Джевала, подслушавши эту
Песню, спросил у него: «По ком ты, Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную песню
Так заунывно поешь ты?» — «Пою про жену сумасброда,
Ею избранного, ею любимого, ум и богатство

Вдруг потерявшего, ей изменившего, клятву святую,
Данную ей пред богами, забывшего. С ней разлученный,
Он уж давно в тоске, в раскаянье, в страхе, не зная
Скорби своей утоленья ни днем, ни ночью, бездомным
Странником бродит. Но каждую ночь, об ней помышляя,
Эту песню поет он. Скитаясь, как нищий, с терпением
Пьет он свою преступленьем налитую горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое с одним лишь собою
Делит. Она же, которая с ним и в беде не рассталась,
Им в пустыне забытая... Где она? Что с ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всех сторон окруженной
Смертью в лесах, где гнездится и дикий зверь и разбойник.
Эту повесть он сам рассказал мне. С тех пор и пою я
Песню его, как сам он поет, и об нем сокрушаюсь».

II

Бима, царь Видарбы, узнав о бедствии Наля,
Царство свое проигравшего в кости, немедленно созвал
Всех видарбинских брахманов и так им сказал: «Отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля-царя: кто узнает,
Где мои дети, и их ко мне приведет, тот получит
Тысячу самых отборных быков и деревню, как людный
Город богатую; тот же, кто, их не приведши, хоть с верной
Вестью об них ко мне возвратится, также получит
Десять сотен быков». Брахманы поспешно на север,
Полдень, восток и запад пошли отыскивать Наля;
Всюду — по всем областям, городам, деревням, по безлюдным

Диким лесам, по горам, по равнинам, по разным дорогам —
Долго ходили они; но напрасно — ни слуха, ни вести
Нет ни о Нале-царе, ни о верной его Дамаянти.
Вот наконец один из брахманов, Судэва, достигнул
Города Шедди, и там во дворце, на празднике царском,
Он Дамаянти увидел. Подле царевны Сунанды,
В платье печальной вдовы, на лице покрывало, близ светлой,
Радостной девы она там стояла — жена, по супруге
Мрачно скорбящая, тень близ света, алмаз без сиянья,
День без солнца, краса, двойным покровом от взоров
Скрытая: черным платьем и черным горем. Увидя
Этот прекрасный, невидимо блещущий свет, догадался
Тотчас Судева, кто перед ним. Про себя он подумал:
«Тот же образ я вижу, который столь сладостно светел
Был в то утро, когда все земные цари и владыки,
С ними и вечные боги, в тревоге надежды смиренно
Ждали, кому из них благодатную руку подаст Дамаянти.
Это она, полногрудая, темнокудрявая, райским
Блеском очей веселящая душу, любовь и утеха
Мира: она, молодая лилея, лишенная корня,
Лотос, слоновой стопой сокрушенный, высокое в низком;
Это она, по супруге скорбящая, вместе с супругом
Всю потерявшая жизнь, как источник, ныне безводный,
Некогда быстро бежавший, как лунная ночь по затменье
Полном луны, поглощенной внезапно небесным драконом;
Это она, достойная жить в перламутровом царском
Доме, живущая ныне в чужом сиротою бездомной;
Славная царской породой в горьком, бесславном изгнанье;

Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ее измучено сердце
Страстным стремленьем к супругу, избранному сердцем; на свете
Муж — украшение жены; потеряв сей небесно-прекрасный
Перл, и блестящая тратит свой блеск. Но где ж он, могучий
Наль? Перенес ли разлуку с такою женою, иль мертвый
Пал, утратив ее? И мне всю душу пронзает
Горе при виде ее красоты сокрушенной, при встрече
Огненно-темных ее, в слезах угасающих взоров.
Скоро ль, скоро ль, весь мир исходив путем испытанья,
К цели желанной достигнет она и с желанным супругом,
С милым души, с властителем жизни встретится в мире,
Так, как звезда встречается с месяцем? Скоро ль
С трона низверженный Наль возвратит Дамаанти и трон свой?
О! какое блаженство тогда для обоих, друг другу
Равных прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
Предков! Мне должно теперь подойти с утешительным словом
К ней, сокрушенной». Так говорил многомудрый Судева
Сам с собою; потом он к тому приблизился месту,
Где одиноко стояла среди многолюдства с печальной
Думой своей Дамаанти. «Здравствуй, роза Видарбы, —
Ей он сказал, — я Судева, брахман видарбинский; царь Бима,
Твой родитель, жив и здоров и царствует мирно;
Здравствует с ним и твоя благодушная мать, управляя
Домом; здравствуют братья твои, здравствуют дети,
Мирно цветя под защитою деда и бабки. Но горе
Всех по тебе сокрушило. И ныне по целому свету
Ищут брамины тебя; отыскать же позволили боги

Мне». Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потом о родных, о друзьях, знакомых и ближних
Спрашивать. «Выросли ль дети?» — она напоследок спросила.
С этим словом рыданье стеснило ей грудь, и с прекрасных
Длинных ресниц покаталися крупными каплями слезы.
Видя, что плачет она в разговоре с брамином, Сунанда,
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: «Наша
Гостья плачет; какой-то брамин говорит с ней, и, верно,
С ним знакома она и его слова пробудили
Эту печаль». Тогда из покоев внутренних вышла
Мать-царица; увидя брамина, она повелела
К ней его привести; и его расспрашивать стала
Так: «Расскажи мне об ней, что ведаешь. Кто и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И с родными какою
Странной судьбою рассталась? И здесь ты ее по какому
Тайному признаку мог распознать? Обо всем откровенно
Мне расскажи». И, сев на ему указанном месте,
Так рассказывать начал Судева, брамин многомудрый.

III

«Царствует ныне в Видарбе царь Бима, до старости поздней
В славе доживший; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь видарбинского Бимы, жена нишадского Наля.
Наль же, сын Виразены, бывший владыка Нишады, безумно
В кости все царство свое проиграл недостойному брату.
С той поры, покинув Нишаду с женою, пропал он
Без вести. Бима послал нас отыскивать дочь. И случайно
В вашем царском дворце в печальной, таинственной гостье

Вашей узнал я ее... И кто не узнал бы? На свете
Нет Дамаянти другой, столь прекрасной душою и телом.
Есть притом и примета: на лбу под густыми
Кудрями светлая скрыта звезда, как за облаком месяц;
С нею она родилась; ее сам Брама ¹ заметил
Знаком святым благодати; но знак сей одним лишь браминам,
Видящим здесь красоту неземную, служителям Брам,ы,
Может быть видим; и я очами брамина, как злато
В темной руде, как в пепле горячем огонь сокровенный,
Тотчас узнал Дамаянти, красы несказанной светило».
Кончив рассказ свой, Судева умолк. Тут царевна Сунанда,
Тихо подкравшись к подруге, с ее головы покрывало
Вдруг сорвала и кудри волос, осенявших прекрасный
Лоб видарбинской царицы, откинула; ярко, как месяц,
Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда благодати.
То увидя, Сунанда в слезах умиления припала
К сердцу ее; царица заплакала также; и все три,
Крепко обнявшись, слиянныи сердцем, стояли безмолвно,
Слезы сливая с слезами. Вот напоследок сказала
Мать-царица: «Ты дочь моей сестры, Дамаянти.
Наш знаменитый отец был владыка дафернский Судеман;
Бима выбрал сестру, меня избрал Виравáгу.
Я и тебя младенцем видала в то время, когда мы
Вместе с сестрой навестили в Даферне отца. И тогда уж
Эта звезда сияла на лбу у тебя. Догадалась
Тотчас я, кто ты, как скоро ты странницей грустной явилась

¹ Бр á м а, Бр á х м а — в индуистской религии верховное божество, создатель вселенной.

Здесь, и дочью сердце тебя нарекло. Оставайся ж
С нами, мой дом есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи и в любви и согласье
С нами; будь дочью мне, будь нежной сестрою Сунанде». —
«Долго я здесь незнакомкой в довольстве жила, — отвечала
Тетке своей Дамаянти, — не знала нужды, под защитой
Верной была и в горе встречала веселье; но будет
Мне веселее в Видарбе с родным отцом и с родною
Матерью. С миром меня отпусти; я давно уж с своими
Ближними розно; отсюда слышится мне, как сиротки
Дети мои, по матери плача, ее издалека
Кличут и ей говорят: *без отца мы; на что же нам
Быть и без матери?* Если свое благотворное дело
Ты довершить надо мною желаешь, то дай мне скорее
Средство в Видарбу к своим возвратиться». — «Исполнена будет
Воля твоя, красота звездоносная», — так отвечала
Мать-царица; потом с позволения сына, владыки
Царства Шеддийского, в путь снарядила милую гостью;
Пищу с питьем на дорогу сама царица Сунанда
Ей приготовила; дали коней с колесницей; дали
Также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
С плачем расстались потом. И вот наконец возвратилась
К ближним своим Дамаянти. И много в Видарбе веселья
Было при встрече ее. Когда ж Дамаянти со всеми
Свиделась, с милою матерью, с добрым отцом и с родными
Братьями, сродников всех и знакомых увидела, к сердцу
В сладких слезах прижала детей, — то первой заботой
Было ее принести благодарность богам и браминов

Всех одарить. И Бима исполнил свое обещанье:
Тысячу жирных быков с селом, богатым как город,
Дал он брамину Судеве. Награду такую сначала
Он обещал лишь тому, кто найдет Дамаянти и Наля;
Но, блаженный свиданием с дочерью, он уж не думал
Боле о Нале. Зато не забыла о нем Дамаянти.
Ночь одну проведя в жилище отца, на другой день
Матери так Дамаянти сказала: «Если ты хочешь
Жизнь мне мою сохранить, возврати мне прекрасного Наля».
То услыша, царица заплакала горько и слова
Ей отвечать не могла от слез и рыданья. И вместе
С нею домашние все сокрушались, и громким стенаньем
Все жилище ее наполнялось. И вот что царица
Биме, властителю многих народов, сказала: «Открыла
Сердце свое мне наша дочь Дамаянти; по милом
Нале тоскует она несказанно. А где он? Удастся ль
Так же найти и его, как найти удалось Дамаянти?»
Бима при этих словах опять вызывает браминов
Новую службу ему сослужить. «Святые брамины, —
Им говорит он, — идите по всем путям и дорогам
Наля отыскивать; с ним разлученная, гаснет от горя
Дочь Дамаянти». Брамины, немедленно в путь изготовясь,
Все собрались к Дамаянти услышать ее повеленье;
Их приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
Так: «Куда б ни пришли вы и где бы его ни искали —
В городе ль, в царском дворце ли, в деревне ли, в хижине ль бедной, —
Всюду одно повторяйте, вытвердив то, что скажу вам:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье».

В лесе покинув жепу? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она, и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помните эти слова и их везде повторяйте.
Если же кто вам на них отзовется, то знайте, что это
Наль; и тогда немедля разведайте, кто он. Когда же
Словом каким он вам возразит, то скорее, скорее
Это слово мне передайте, брамины. Но будьте
С ним осторожны, чтоб он догадаться не мог, что за ним вы
Посланы мной, и чтоб снова не скрылся. Идите с богами
В путь свой, брамины, ищите Наля, везде повторяя
Грустную песню мою, воздыханья любви сокрушенной».
Данные им наставленья принявши, по разным дорогам
Все разошлись брамины отыскивать Наля; и всюду,
В людных, больших городах, в богатых палатах, в убогих
Хижинах, в темных лесах, по горам, по полям, по долинам,
Где только был человеческий след, неусыпно искали
Наля они, везде повторяя слова Дамаянты,
Грустную песню ее, воздыханья любви сокрушенной.

Г Л А В А В О С Ъ М А Я

I

от по странствии долгом один из браминов, Парна́да
Именем, с вестью такую пришел к Дамаянти: «Повсюду
Наля искав безуспешно, пришел наконец я в Айоду.
Там пред царем Ритуперном твои слова произнес я;
Царь ничего не сказал мне в ответ, и никто из придворных
Также мне не дал ответа. Когда ж я, простясь с Ритуперном,
Вышел из царских покоев, со мной повстречался служитель
Царский с руками короткими, малого роста, Вагука
Именем; дело его смотреть за царевой конюшней;
Видом он некрасив; зато великий искусник готовить
Пищу; также чудесно править конями: он может
В сутки сто миль проскакать их заставить. И вот что с глубоким
Вздохом, от слез задыхаясь, сказал мне этот Вагука:

«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду.
Если в безумии все свои радости, свет и уладу
Жизни, расставшись с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог, если, отчаянный, платя лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
Все по утраченной плачет и сетует, — доброй женою
Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
Радость не радостью — будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
Эти услышав слова, я решился немедля пуститься
В путь обратный. Царевна, сама теперь ты рассудишь,
С добрую ль вестью к тебе я пришел». Дамаянти, Парнаду
Выслушав, тотчас к царице пошла и так ей сказала:
«Слушай, родная: о том, что я сделать хочу, мой родитель
Бима ведать не должен; хочу я брамина Судеву
В царство Айоду послать; награды своей половину
Он заслужил, вот случай ему заслужить и другую:
Вам возвратил он меня, пускай возвратит вам и Наля».
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Все учредили они, и царь не узнал ни о чем. Одаривши
Щедро Парнаду, царевна сказала: «Когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
След нам к нему указал». И доволен остался Парнада
Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,

Так сказала: «Судева, иди к царю Ритуперну
В царство Айоду; явился ему, но так, чтоб подумал
Царь Ритуперн, что зашел ты в Айоду случайно, и вот что
Скажешь ему ты, как будто без всякого умысла: «Бима
Снова сзывает в Видарбу царей и царевичей, снова
Хочет супруга избрать Дамаянти: уж съехалось много
К ней женихов». И ежели знать пожелает он, скоро ль
Должен быть выбор, назначен ли день, отвечай ты: «Я вижу,
Царь, что тебе одному неведомо то, что известно
Целому свету; день назначенный — завтра; и если
Сам ты отведать счастья намерен, то можешь в Видарбу
Нынче же к ночи поспеть; у тебя есть конюх, искусный
Править конями; он в сутки сто миль проскакать их заставит;
Только не медли: завтра чем свет Дамаянти объявит
Выбор; о Нале ж ни слуха, ни вести; и, верно, погиб он.
Если же хочешь ты знать, от кого я о сказанном слышал,
Знай, государь, что я слышал о том от самой Дамаянти».

II

Вот и приходит Судева к царю Ритуперну. То было
Рано поутру. И только что ложную повесть брамина
Выслушал царь, как, с места вскочивши, воскликнул: «Скорее
Кликнуть Вагуку сюда!» Когда же Вагука явился —
«Верный конюший, — сказал Ритуперн, — мне должно в Видарбу
Нынче ж поспеть; Дамаянти опять выбирает супруга;
Завтра утром она объявит свой выбор. Искусство
Ныне свое покажи мне, Вагука, на деле; посмотрим,

Можешь ли в сутки сто миль проскакать на конях, не кормивши?»
Царская речь наполнила ужасом Налеву душу.
«Что замышляет, — подумал он сам про себя, — Дамаянти?
Или она от скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Может ли быть, чтоб она на такое
Дело решилась, она, непорочная, верная, светлый
Ангел любви? Неужель, оскорбленная мной так жестоко,
Хочет отомстить мне она, смиренно-незлобный эдемский
Голубь! Но женское сердце изменчиво; я же пред нею
Слишком виновен; прекрасную младость ее погубил я;
В долгой разлуке со мной разлучилась она и с любовью.
Но, позабывши меня, как могла позабыть Дамаянти
Наших детей? Мне должно разведать, что ложь и что правда
В этом слухе, и волю царя для себя я исполню».

Так он в мыслях решил и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвечал: «Несомненно исполнена будет
Царская воля твоя; мы нынче ж поспеем в Видарбу
К вечеру». Вот на конюшню Вагука пошел, чтоб надежных
Выбрать коней, и выбрал тощих, тяжелых, ноздристых,
Тонконогих, толстоголовых, с щетинистой шерстью,
С длинными шеями, с гривой встопорщенной, огненно-диких.
Выбор такой царя изумил. «Ты шутишь, Вагука! —
С гневом сказал он. — Как будто в насмешку, из целой конюшни
Выбрал ты самых негодных коней! В такую дорогу
Можно ль на клячах подобных пускаться?» — «То добрые кони,
Царь-государь, — Вагука отвечал, — вот и приметы:
Две на лбу, одна на груди и три на копытах;
Духом домчимся на этих конях до Видарбы; но если

Выбрать других ты желаешь, то сам укажи их; готов я Волю исполнить твою». — «Пускай по-твоему будет, — Царь отвечал, — тебя не учить мне; закладывай, едем». Выбранных им четырех коней заложил в колесницу Наль и сел в нее с Ритуперном; и с ними, по просьбе Наля, сел Варшнея. Сбравши в могучую руку Вожжи и ими тряхнув, как браздами излучистых молний, Наль закричал: «Изготовьтесь вы, добрые кони; чтоб нынче ж Быть нам в Видарбе!» И, дрогнув, перед ним на колени упали Кони; легким движеньем руки опять он их поднял На поги, голос смягчил и, ласковым словом придав им Жару, крикнул: «Вперед!» Они понеслись, как вихри. Царь Ритуперн на бег их смотрел с немым изумленьем. В то же время, расслушав, сколь был таинственно-звучен Гром колесницы, и видя, что вожжи со свистом и треском Били коней по бокам и, как молнии, быстро сверкали, Думу глубокую думал Варшнея: «Откуда Вагука Мог получить такое искусство и кто он? Не сам ли Кóней державного бога богов повелитель Метáлис? Или он Наль, сокрывший себя под личиной урода? Нáleва образа нет здесь, но есть здесь Нáleва сила. Кто же мне правду откроет? Давно из древних преданий Ведаем мы, что земные цари, по воле судьбины Здесь на земле иногда превращенные, странствуют тайно. Этот уродливый конюх не может быть Налем великим; Тот же, под кем, как гроза в небесах, гремит колесница, Кто он иной, как не Наль, мой великий владыка?» Так думал Молча Варшнея и в бедном Вагуке угадывал Наля.

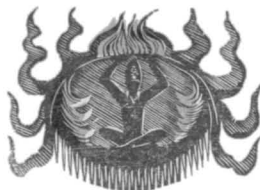
III

Кони, без крыльев крылатые, властью Наля, как буря,
Мчались вперед по горам, по долам, через реки, потоки.
Вдруг сорвалась с головы Ритуперна повязка. «Вагука,
Стой! — он сказал. — Пускай Варшнея подаст мне повязку». —
«Поздно! — отвечивал Наль-Вагука, — уж мы отскакали
Более мили; оставим повязку». Царь изумился;
Вдруг он увидел вдали Вибитаку, ветвисто-густою
Сенью покрытое дерево. «Слушай, Вагука, — сказал он, —
Здесь на земле никто не имеет всезнанья; в искусстве
Править конями ты первый; зато мне далось искусство
Счета, и знаю я тайну играть *наверное* в кости.
Видишь ли там вдалеке то ветвистое дерево? Много
Листьев на нем и много плодов; но много их также,
С ветвей упавших, лежит на земле. Так знай же: упало
Листьев четыреста три, и с ними свалилось сто десять
Спелых плодов; всех сучьев семьсот сорок девять; на сучьях
Листьев осталось пять миллионов и восемь; плодов же
Тысяча триста пятнадцать созревших, семьсот сорок
Три созревающих, семьдесят восемь гнилых. Хоть поверку
Сделай, мой счет без малейшей ошибки». В эту минуту
Были они уж близ дерева. «Стойте, — воскликнул Вагука, —
Добрые кони; такому чудному счету нельзя мне
Прежде поверить, пока плодов, и сучьев, и листьев
Сам не сочту я на дереве этом. Варшнея подержит
Вожжи, куда я буду считать». Ритуперн ужаснулся.
«Что ты задумал, Вагука? — сказал он. — Не время нам медлить».

Но Вагука (был умысел свой у него) непременно
Счет поверить хотел. «Подожди, — царю отвечал он, —
Или, если уж так ты поспешен, прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будет конями
Править». На то Ритуперн возразил, стараясь Вагуку
Лаской смягчить: «Не упрямяся, добрый Вагука; в искусстве
Править конями тебе подобного нет, и в Видарбу
Только с тобою одним поспеть нам к вечеру можно.
Я (сам видишь ты это) во власти твоей; не держи же
Доле меня; я сделаю все в твое угождение,
Если только в Видарбу доедем прежде, чем сядет
Солнце». Вагука вместо ответа, коней удержавши,
С козел сошел и начал спокойно считать по порядку
Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
«Счет плодов без ошибки, — сказал он царю Ритуперну. —
Вот поглядим, не ошибся ль ты в счете сучьев и листьев».
Царь кипел нетерпеньем. «Будь же доволен, Вагука!
Разве мало тебе одного доказательства?» — «Мало,
Царь-государь, — Вагука сказал, — но если ты хочешь
Разом все кончить, то сам объясни мне, как мог ты так много
Счесть в такое короткое время?» — «Знай же, — воскликнул
Царь (не от доброй души, а взбешенный упорством Вагуки), —
Я одарен могуществом счета и тайным искусством
В кости играть на верное». — «Ежели так, то теперь же
То и другое мне передай; в замену искусство
Править конями получишь», — сказал Вагука. «Согласен, —
С гневом отвечал царь, — могущество счета и тайну
В кости играть я тебе отдаю; от тебя же, Вагука,

Дар твой приму, как скоро приедем в Видарбу». Лишь только
Вымолвил слово свое Ритуперн, как у Наля открылись
Очи, и он все ветви, плоды и листы Вибитаки
Разом мог перечесть; и в то же мгновенье, когда он
Данную силу в себе ощутил, сокрытый дотол
В сердце его искуситель Кали оттуда исторгся
Дымом, мглою своей обхватил Вибитаку. При первом
Чувстве свободы Наль обеспамятел; скоро, однако,
Он очнулся и, видя лицом к лицу пред собою
Злого врага своего, хотел проклясть нечестивца;
Но Кали возопил, поднявши руки смиренно:
«Наль, воздержися от клятвы; уже довольно наказан
Был я проклятем, в минуту страданья твоею женою
Против меня изреченным (хотя и был ей неведом
Общий ваш враг). С тех пор я, замкнутый в тебе, как в темнице,
Столь же был горем богат, сколь ты был радостью беден.
Мучимый ядом царя змеиного, денно и ночью
Сам я себя проклинал. Пощади же меня, благодушный
Наль; я отныне бессилен; отныне каждый, кто повесть
Бедственной жизни твоей прочитает, тебя прославляя,
Будет от козней моих огражден и власти подобных
Мне зловредных духов недоступен». Смягченный молящим
Словом врага побежденного, Наль воздержался от клятвы.
Сам же Кали в Вибитаку вселился, и полное жизни
Дерево мигом засохло. При чуде таком изумился
Царь Ритуперн (того же, что с Налем в эту минуту
Делалось, видеть и слышать не мог он). Едва искуситель
Скрылся — от муки избавленный, радостно блещущий, новый

**Жизнию пламенный, вдвое могучий, сел в колесницу
Наль, и кони помчались; а он, упредив их, душою
Был уж в Видарбе, там, где была Дамаянти, куда он
С сердцем, свободным от зла, но все еще бедный, бездомный
Царь, возвращался под видом чужим, никому не знакомый.**

Г Л А В А Д Е В Я Т А Я

I

олице еще не угасло, когда до Видарбы достигнул
Царь Ритупери. Немедля о госте неожиданном царь Бима
Был извещен, и, им приглашенный, в сиянье вечернем
Въехал в Видарбу владыка Айоды. Как гром отзывался
Стук колесницы его с осьми сторон небосклона.
Налев стук и Налев скок почували тотчас
Налевы кони (которых еще до изгнанья царева
К Биме с детьми сама Дамаянти прислала);
Радостным ржаньем, как будто при Нале, они отвечали
Дружно на звук, им знакомый; и, вслушавшись в звук сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти смутилась;
Что-то родное, бывалое, Налеву в вешее сердце

Вдруг проникло — так и жена и кони узнали
Разом Наля по стуку его колесницы. И в стойлах
Царских слоны и на кровле дворцовой павлины, расширив
Радугой пышной хвосты, при этом неслыханном стуке
Вдруг встрепенулись; подняли хобот слоны; закричали,
Вытянув шею, в радостном страхе павлины, как будто
Чуя грозы, обещающей дождь, приближенье. И с райским
Трепетом, вся обращенная в слух, про себя Дамаянти
Так говорила: «Мне этот стук колесницы и этот
Топот, тревожащий небо и землю, насквозь проникают
Душу. Это Наль, мой владыка, Наль, мой желанный!
Если его я нынче ж лицом к лицу не увижу,
Если нынче ж в сладких объятиях Наля не буду,
Если это не он, столь чудно гремящий, не светлый
Наль, мой царь, мой спаситель, если меня обмануло
Сердце, то более жить мне не должно, и в жаркое лоно
Пламени брошусь, чтоб кончить тоску одинокия жизни.
О! теперь позабыто все прошлое; жизнь обновилась;
Страх одиночества, стыд нищеты, бесприютность, разлуки
Тяжкая боль — из сердца изглажено все; я не помню
Слова обидного, взгляда сурового; помню одно лишь
Счастье святое любви, лишь его, избранного сердцем,
Радость души, благородного, кроткого, сильного волей,
Тихого нравом, разумом мудрого, сердцем младенца,
Наля, мою надежду, спасение, жизнь. Непрестанно
Думать о нем и о прошлых днях неразлучности сладкой,
Думать о прелести взора его и улыбки, о сладком
Голосе, нежных речах, и, всею душой погружаясь

В думу любви, быть розно с ним, несказанно любимым, —
Вот страданье, которому имени нет». В сокрушенных
Мыслях таких Дамаянти сидела тогда на дворцовой
Верхней площадке с служанкой своей молодою Кезиной.
Вот и видят они, что на двор широкий влетели
Кони, гремя и дымясь, с колесницей; и в той колеснице
Были трое: царь Ритуперн, Вагука, Варшнея;
Где же Наль?.. С томительным страхом глядит Дамаянти;
Видит царя; Варшнею потом узнает; напоследок
Смотрит на их безобразного спутника — ей незнаком он.
Тою порой Ритуперн сошел с колесницы; Варшнея
Также; Вагука начал разнуздывать коней; и в это ж
Время вышел и Бима гостю навстречу. Друг другу
Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
Что друг другу сказать. Ритуперн, осмотрясь, не приметил
В царском дворе ничего, что б канун означало большого
Праздника; он подумал: «Я был легковерно обманут
Ложною вестью»; и Биме сказал он: «Здравья и долгих
Лет тебе я желаю». Бима таким же приветным
Словом ответствовал. «Что, — потом он спросил, — привело к нам,
В нашу столицу Видарбу, такого великого гостя?»
Слыша этот вопрос и не видя нигде никакого
Знака, чтоб были другие цари и царевичи в царском
Доме, владыка Айоды ответствовал: «Видеть хотел я,
Царь благодущный, тебя и, с тобой познакомясь, провести,
Все ли в твоём благоденствует царстве?» Мудрому Биме
Станным ответ такой показался, и было ему непонятно,
Как могло прийти на ум царю Ритуперну

Путь такой предпринять лишь за тем, чтоб проведать, здоров ли
Царь Видарбы, ему незнакомый. «Тут есть, — он подумал, —
Верно, другая причина. Узнаем мы после». И, руку
Ласково гостю подавши, сказал он: «Милости просим,
Царь Ритуперн; мы рады весьма твоему посещенью.
Но ты устал; войди к нам в палаты и там успокойся;
Что ни прикажешь, все будет исполнено». Вместе с Варшней
Царь Ритуперн вошел во дворец; а Вагука, отпрягши
Добрых коней, отвел их в конюшню; потом, возвратясь,
Сел на прежнее место свое в колеснице и скоро
В грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти
Сверху увидя, вздохнула глубоко. «Ужель обманулось
Сердце мое? — сказала она. — Но стук колесницы
Был мне знакомый, был подлинно Налев... а Наля не вижу.
Или Варшнея искусство его перенял? Или открыли
Боги его царю Ритуперну?» Так Дамаянти
Мучилась тяжким сомненьем; вот наконец, обратясь
К верной Кезине, служанке своей, она ей сказала:

II

«Слушай, Кезина, поди и проведай, кто в колеснице
Так угрюмо сидит один, лицом некрасивый,
Руки короткие? С ним заведя разговор, постарайся
Выспросить, кто он. Меня подозренье тревожит: не сам ли
Наль таится под этим уродливым видом? Ты вот что
Сделай: с ним говоря, повтори, как будто случайно,

Те слова, которые всюду браминам велела
Я повторять; увидишь, не даст ли какого ответа
Он на них, и ежели даст, то все, что ни скажет,
Ты заметь и мне передай». Кезина к Вагуке
Тотчас пошла; Дамаянти ж, на прежнем месте оставшись,
Сверху смотрела на них. Кезина, приблизясь к Вагуке,
Так сказала ему: «Благородные гости, будь в добрый
Час вам проезд ваш в Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мне приказала узнать, зачем вы здесь и откуда». —
«Мы из Айоды, царю Ритуперну подвластного царства, —
Так Вагука сказал. — Узнав от брамина, что будет
Снова супруга себе выбирать Дамаянти, айодский
Царь на своих быстроногих конях, которыми правлю
Я, сюда прискакал, чтоб явиться с другими на выбор». —
«Ты не один при царе; вас двое; кто твой товарищ?
Кто ты сам, и откуда, и как к царю Ритуперну
В службу вступил?» — «Мой товарищ Варшнея, бывший конюший
Наля; меня называют Вагука; что я не красавец,
Это ты видишь; служу у царя на конюшне, но мог бы
Также служить и на кухне, ибо я столь же искусен
Вкусную пищу готовить, как править конями». — «Скажи ж мне, —
Снова спросила Кезина его, — не дошла ль до Варшнеи
Весть какая о Нале? И сам ты об нем не слыхал ли?» —
«Налевых бедных детей, — Вагука сказал, — проводивши
К деду и царских коней оставив в Видарбе, Варшнея
В службу вступил к царю Ритуперну. О участи Наля
Он не знает, и нет на земле никого, кто о ней бы
Что-нибудь знал; под видом чужим, в неведомом месте

Царь укрывается. Наль один на свете о Нале
Знает, да та лишь одна, кто с Налем *одно*; никому он,
Кроме ее, не открыл своих таинственных знаков». —
«Но (сказала Кезина) брамин, посетивший Айоду,
Встретясь с тобою, тебе повторил слова Дамаянти:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел; о тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помнишь ли, что на эти слова отвечал ты брамину?»
Весь полбеднев, неподвижно смотрел на Кезину Вагука;
Долго, пронзенный внезапною болью любви, не имел он
Силы вымолвить слово; рыдающим голосом, очи,
Полные слез, опустив, напоследок тихо сказал он:
«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду.
Если в безумии все свои радости, свет и усладу
Жизни, расставшись с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог, если, отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
Все по утраченной плачет и сетует, — доброй женою

Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
Радость не радостью — будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
С этим словом вся Налева скорбь пробудилась в Вагуке;
Он застонал, и слезы из глаз полилися. Кезина
Тотчас ушла, спеша обо всем известить Дамаянти.

III

«Это Наль (Дамаянти сказала в слезах, с замираньем
Сердца Кезину выслушав), это мой царь, мой владыка
В виде чужом. Ты должна к нему возвратиться, Кезина,
Снова. Вблизи притаись и внимательно следуй за каждым
Шагом и взглядом его, не откроется ль в том, что заметишь,
Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро
Ужин начнет он готовить царю Ритуперну — смотри же,
Так устрой, чтоб он ни воды, ни огня для варенья
Пищи не мог получить, и заметь потом, что начнет он
Делать; и всё другое, что в нем покажется чудным,
Также мне опиши». Кезина пошла и, исполнив
Волю царицы, явилась к ней с своим донесеньем:
«Нет! ни прежде видать не случилось, ни после увидеть
Мне не случится того, что теперь предо мною сбылось;
Этот Вагука не просто земной человек; он с богами
В явном союзе; ничто для него ни низко, ни тесно;
К низким дверям подойдет — головы не наклонит, а сами

Двери над ним приподымутся; тесное место просторным
Вдруг при его приближенье становится. Всяких припасов
Вместе с посудой царь Бима велел приготовить, чтоб ужин
Он для царя Ритуперна сварил, но воды, как тобою
Было приказано, не дали; он того не заметил,
Только взглянул — и водой все сосуды наполнились; также
Он и огня под дрова попросить не подумал, а только
Взял соломы — и мигом сама собою солома
Вспыхнула. Много другого заметила я: без обжоги
Голой рукой разгребал он огонь; вода закипала,
Только что к ней он касался. Но чудо последнее боле
Всех других изумило меня: засохшую розу
Он увидел; в пыли она без листьев лежала;
Он ее поднял, взглянул на нее, и явилась живая
Роза в руке у него на месте прежней, поблекшей.
После такого неслыханно чудного дела, царица,
Я побежала немедля к тебе». Но уж Дамаянти
Боле сомненья иметь не могла: то явные были
Знаки Наля, то были дары, полученные в самый день брака
Им от богов, и она уж, блаженствуя, видела сердцем
Наля желанного там, где еще для очей был Вагука.
«Сбегай опять ты к нему, — сказала Кезине царица, —
Запах от пиши, им приготовленной, чудно приятен;
Хочется знать мне, вкусна ли она? Попроси у Вагуки
Мяса жаркого кусок». Побежала Кезина к Вагуке
Снова и скоро назад возвратилась с дымящимся мясом.
Налев знакомый ей вкус Дамаянти узнала, отведав
Мяса. «Он здесь! он здесь! — в восхищенье она повторяла

Мысленно. — Боле сомнения нет. Но долго ль он будет
Светлый свой образ таить от жаждущих взоров и мучить
Бедное сердце мое нестерпимым желаньем свиданья?»
Так сокрушаясь, она наконец приказала Кезине
Взять детей и вывести их из дворца, чтоб Вагуке
Их показать мимоходом. Лишь только Вагука увидел
Двух малюток, цветущих детей Дамаянты и Наля,
Столь давно потерявших отца, — в нем душа загорелась:
Кинулся к ним он навстречу, по имени назвал обоих,
К сердцу прижал и заплакал, и долго, долго, слезами
Их обливая, от них оторваться не мог, но, опомнясь,
Вдруг отскочил и Кезине сказал: «Я также имею
Двух детей малолетних, сына и дочь; совершенно
С этими сходны они, и давно я с ними в разлуке.
Вот отчего я и был так сильно встревожен их встречей;
Но послушай, люди заметят, что часто ко мне ты
Ходишь, и будет тебе от того без вины нареканье;
С миром отсюда поди и боле ко мне не являйся».

Г Л А В А Д Е С Я Т А Я

1

Все, что было ей нужно, узнав, Дамаянти решилась
Сделать опыт последний и матери вот что сказала:
«Кликни Вагуку к себе; я тайну эту открою;
Наль отыскан; он здесь, я знаю, я верю». Царица, согласно
С просьбою дочери, кликнуть велела Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей царь с трепетанием тайным
Стал наконец пред лицом своей Дамаянти. Безгласен
Сделался он, увидя ее, прелестную в скорби,
Чистого ангела радости в платье печальном вдовицы.
Сердцу его несказанный упрек, перед ним Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взор на него устремивши.
«Дай ответ мне, Вагука, — она напоследок сказала, —

Знал ли ты верного мужа, который был бы способен
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую с твердой
Верой в защиту его, в лесу беззащитную бросить,
Бросить одну, без одежды, без крова, без пищи, дотоле
Нежно любимую им и ничем, ни делом, ни словом,
Ниже каким помышленьем пред ним невинную? Вот что
Сделал со мною, Вагука, супруг мой Наль Пуньялока.
Чем я его оскорбила? Чем могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Он пред богами
Выбран был мной, пред богами я с ним сочеталась, и боги
Слышали клятву, им данную мне, в любви неизменной.
Как же, Вагука, он мог изменить своей Дамаянти,
Радостным сердцем и горе, и бедность, и стыд, и изгнание
С ним разделившей, той изменить, которой сказал он,
Руку ей дав пред святым алтарем: «Тебя я отныне
Буду чтить и любить, защищать и питать и с тобою
Горе и радость, богатство и бедность и все неизменно
В жизни делить обещаюсь». Вагука, скажи мне, как мог он
Так измениться, так все позабыть?» Сокрушенный и бледный,
Слушал в безмолвии Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ее, светозарные звезды, были покрыты
Облаком скорби, и быстрым ручьем сквозь густые ресницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихим,
Трепетным голосом Наль отвечал: «Что Нишадское царство
Было проиграно Налем, не он в том, несчастный, виновен:
Злобный Кали́ обезумил его, и им же, коварно
Вкравшимся в сердце к нему, очарованный Наль в исступленье
Спящую бросил тебя; когда же в лесу ты, не зная,

Кто он, врага своего прокляла, твои поразили
Клятвы Кали́, спокойно владевшего Налевым сердцем; и с тех пор
Адски страдал он, как в пламени пламень горя, заключенный
В страдающем Нале, как в мрачной тюрьме. От нечистого духа
Наль избавлен, и будет от всякой он клятвы свободен,
Если, увидясь с женою, найдет, что ему сохранила
Верность она и любовь. Теперь отвечай, Дамаянти,
Что он найдет? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты верность?
По́ свету ходят гонцы от тебя и отсюду сзывают
Новых к тебе женихов в замену погибшего Наля.
Вот что сюда привело и царя Ритуперна, и сам я,
Бедный конюший Вагука, его конями был должен
Править, чтоб мог он поспеть на счастливый выбор». Услышав
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и с чистым
Взглядом небесного ангела, ангел земной, Дамаянти
Так отвечала: «Тебе ль, мой избранный, тебе ль, предпочтенный
Мною богам, меня оскорблять таким подозреньем?
Ведай: сама я послала брамина к царю Ритуперну
С ложною вестью о выборе новом в Видарбе. Узнало
Сердце мое, что Вагука был ты, и невинный обман мой
Был удачен — ты мне возвращен. И с клятвою правды
Здесь, государь, прикасаясь к коленам твоим, пред тобою
Сердцем спокойным, как будто пред небом самим, говорю я:
Верность к тебе и любовь я во всей чистоте сохранила.
Ветер свободно играет, носясь по всему поднебесью;
Ведает все он; пускай он моим обвинителем будет,
Если я что недостойное верной жены сотворила;
Солнце в высоком блаженстве сияет, горит над водами,

Оком всевидящим ходит оно по всему поднебесью,
Пусть же, все видя, оно моим обвинителем будет,
Если я что недостойное верной жены сотворила;
Месяц, светило покоя, во мраке ночном замечает
Тайное все в небесах и тайное все в поднебесье,
Пусть же он, тайны все зная, моим обвинителем будет,
Если я что недостойное верной жены сотворила.
Пусть и небесные силы, хранящие небо и землю,
Правду мою подтвердят иль смерть мне пошлют за неправду».
Так вызывала и небо и землю в свидетели чистой
Жизни своей Дамаянти; и вот ей откликнулся с неба
Ветер и так свой ответ из пространства лазурного свежим
Словом провеял: «Как небо мое, чиста Дамаянти,
Долгу верна, в любви неизменна, слова ее правда;
Верь ей и руку подай, как жене беспорочной; и будут
Снова меж вами союз, и покой, и любовь, и согласие».
Ветер умолкнул, и райской прохладой отвсюду повеял
Воздух весны, и упали цветы дождем благовонным
С неба при звуке воздушных тимпанов ¹. Таким несказанно
Чудным свидетельством Наля исцеленный от всех подозрений
Вспомнил о том, что ему сказал царь-змей на прощанье,
В данный им зёркальный щит поглядел, и в минуту явился
Прежним Налем и руки простер к своей Дамаянти.
С криком пронзительным кинулась в них Дамаянти, и этот
Миг единый стократ заплатил им за долгие муки.
Голову Наля прижавши к своей целомудренной груди,
В сладком забвеньи всего, в упоеньи любви, Дамаянти

¹ Т и м п а н — древний ударный музыкальный инструмент.

Долго безгласна была; она то сквозь слез улыбалась;
То трепетала, пронзенная радостью; то от избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завесу на них, сочетавшихся снова
Дорого купленным браком. Так наконец отдохнули
Вместе они, до блаженства достигнув дорогой печали.
Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повесть о том, что розно друг с другом они претерпели,
Мыслей и чувств поверенье, раздел и слиянье,
Все в одном заключилося чувстве: *мы вместе*; и память
Прошлых бед настоящею радостью, светом, от тени
Более ярким, печальныя были веселым рассказом
Сделалась. Так, по долгой в изгнанье тоске, возвратился
Наль к Дамаянти, как солнце из зимнего, хладного знака
В знак весны возвращается; так Дамаянти, приникнув
К сердцу Наля, опять расцвела, как сияющий вешним
Цветом сад живей расцветает, дождем орошенный.
Тут пропели два соловья им песню такую:

*«Снова Дамаянти с Налем неразлучна,
Сердце вновь покойно, горе позабыто,
Смолкнули желанья, так ликует в небе
Ночь, когда ей светит друг желанный месяц».*

II

Рано, лишь только что день занялся на востоке, царица-
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вестью.
«Наль возвратился, — Биме сказала она, — Дамаянти

С мужем опять, и снова с ними согласие». Бима
Поднял брови, незапною ¹ вестью такой изумленный.
Тут царица открыла ему, какой Дамаянти
Хитростью Наля-царя заманила в Видарбу, какую
Выдумкой царь Ритуперн был обманут. И ей, улыбаясь,
Бима отвечивал кротко: «Я вашу женскую хитрость
Вам прощаю за то, что она удалась». Тут явился
Наль с Дамаянти и с ними их дети. Приблизился к тестю
Наль, Дамаянти приблизилась к матери. Зятя, как сына,
Ласково принял царь благодушный Бима и нежным
Взглядом поздравил дочь с возвратившимся счастьем.
Скоро потом пришли и братья и подали руку
Налю и братски с сестрой обнялись; потом отовсюду
Стали сходиться сродники, ближние; вот напоследок
Вся Видарба наполнилась шумом торжественным; дома
В пышные ткани оделись; на кровлях явились знамена;
Площади, улицы все закипели народом, и в храмах
Жертвы зажглися. И вот наконец до царя Ритуперна
Слух дошел, что Вагука, конюх его, обратился
В Наля, что мужа нашла Дамаянти, что нового делать
Выбора ей не нужно. И царь Ритуперн дружелюбно,
К Налю пришедши, сказал: «Поздравляю тебя, благородный
Царь нишадский, с благой переменой судьбы, с возвращеньем
Прежнего вида и боле всего с обретением милой,
Верной жены. И если я что неугодное сделал,
Наль знаменитый, тебе тогда, как не в образе царском
Жил ты слугой у меня, то в том виноват без вины я;

¹ Незапною (устаревш.) — внезапной.

Тайны твоей я не знал и прошу у тебя извиненья». —
«Царь Ритуперн, — отвечивал Наль, — оскорбленья и тени
Я не видал от тебя; но когда б и обижен тобою
Был я, то Налю-царю обид, нанесенных Вагуке-
Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,
Царь Ритуперн, и чту и люблю как царского брата.
Мне благосклонным ты был господином, когда под твоею
Кровлею жил я слугою Вагукой, теперь благосклонным
Другом будь мне, царю нишадскому Налю. Ты видишь
Сам, что Вагуке конюшим твоим уж не быть: без сомненья
Также захочет в прежнюю службу вступить и Варшнея.
Но в убытке ты, царь Ритуперн, не останешься; дар мой
Править конями тебе отдаю я рукою и словом,
Так же, как сам от тебя могущество счета с искусством
В кости играть получил, и ныне в Айоду ты столь же
Быстро приедешь один, сколь быстро приехал оттуда
Вместе с Вагукой в Видарбу. А я посмотрю, что удастся
Выиграть мне с искусством, тобою мне данным». Друг другу
Подали руку цари на любовь и союз; и в Айоду
Царь Ритуперн возвратился. Наль, горя нетерпеньем
Выиграть трон свой, также недолго остался в Видарбе.

III

Месяц проживши у тестя, с избранной дружиною храбрых
Наль пошел наконец на свое Нишадское царство;
Сам он сидел в колеснице блестящей; могучие кони

Бешено прыгали, твердой руке его покоряясь;
Следом за ним шестнадцать слонов боевых с крепостными
Башнями, полными ратников, шли; за слонами скакали
Конные, легкий отряд, пятьдесят копьеносцев; за ними
Пеших дружина, пятьсот отборных стрелков. Не сражаться
Вел их Наль, а украсить свое вступленье в Нишаду.
Так снарядившись, царь на прощанье сказал Дамаянти:
«Ты оставайся под кровлей отцовской, покуда не ввел я
Нового счастья в наш дом и его от врага не очистил,
Счастье прежнее в нем истребившего; с миром тогда ты
В нашу столицу с детьми возвратишься, как на небо светлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
В радости здесь, ожидая блаженной минуты возврата
В дом семейный, на новое счастье, на новую славу».
Взором одним Дамаянти царю отвечала, но в этом
Взоре, полном небесной души, была уж победа.
Быстрою бурею Наль полетел, и скоро достиг он
В грозном величии царства, из коего некогда вышел
Бедным изгнанником. Брату Пушкаре, владевшему ныне
Бывшим престолом его, он сказал: «Я тебя вызываю
К новой игре; я поставлю на кости жену; ты поставишь
Все Нишадское царство — довольно ль с тебя? Но сначала
Сделать мне должно с тобой уговор: когда проиграешь
Ты, то все, чем владеешь, будет моим, и над самой
Жизнью твоею буду я властен; когда ж проиграю
Я, то все, чем владею, возьмешь ты, ежели можешь:
Знай наперед, что тогда мы с тобою мечом разочтемся.
Полно же медлить; тебе по законам игры мне на вызов

К новой игре отказать невозможно; и властен теперь ты
Выбрать из двух любую игру: в железо иль в кости.
Хочешь отведать меча — выходи; я рад поединку;
Царство, наследье отцов, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили, силой
Должно уметь нам его возвратить; так учили нас предки.
Час наступил; принимайся, Пушкара, за меч иль за кости.
Или тебе живому не быть, иль я Дамаянти
С жизнью тебе уступлю». На этот вызов Пушкара
Так отвечал, усмехнувшись: «Готов я еще раз с тобою
В кости счастья отведать; то будет игра роковая;
Горя с тобой в нищете Дамаянти довольно терпела;
Власть и богатство со мною разделит она и забудет
Прошлое скоро; а я и на троне нишадском всечасно
Думал об ней и ждал, что придешь ты; и вот напоследок
Ты пришел, и будет моей Дамаянти, и боле
Мне ничего на земле желать не останется». Этим
Дерзким ответом разгневанный, меч свой хулителю в сердце
Чуть не вонзил в запальчивости Наль, но, собою овладевши,
Он сказал, трепеща, и кипя, и сверкая: «Безумец,
Полно хвастать, играй: проиграешь, заплатишь». И кости
Брошены — все решено: обратно Нишадское царство
С первым ударом выиграл Наль у Пушкары. Со смехом
Он, победитель, взглянул на него, побежденного. «Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которым
Думал владеть ты, по-прежнему стало моим и отныне
Будет в крепких руках; теперь меж царем и меж царством
Третий никто не дерзнет протесниться. Мою ж Дамаянти

Ты и во сне недостойн увидеть; ты раб мой отныне;
Так решила судьба. Но слушай: не властью твоею
Некогда был я низвержен с престола; Кали искуситель,
Враг мой, тебе помогал; ты об этом не знал, безрассудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебе преступленья чужого
Я не хочу. Живи, и будь милосердие неба
Вечно с тобою, и вражды да не будет меж нами, Пушкира,
Брат мой; живи, благоденствуя, многие, многие годы». —
Весь уничтоженный благостью брата, пред ним на колена
Бросился, плача, Пушкира. «О Наль Пуньялока, да будет
Милость богов и всякое благо земное с тобою!
В скромном уделе моем я, твой подданный, буду спокойней
Жить, чем на троне твоём, где покой мой основан
Был на ударе неверных костей; и своими отныне
Буду я столь же любим, сколь был ненавидим твоими.
Прежде, однако, очищу себя от вины омовеньем
В Гангесе грешного тела; в его благодатные волны
Брошу, прокляв их, враждебные кости, которыми злые
Властвуют духи. А ты, сюда возвратив Дамаянти
В блеске прекрасного солнца, скажи ей, чтоб гнева
В сердце ко мне не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищенным в опыте счастьем».

21 мая 1837 — 16 декабря 1841

Для старшего возраста

В. А. Жуковский

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

Индийская повесть

Ответственный редактор В. А. Гакина
Художественный редактор Б. А. Дехгеров.
Технический редактор З. В. Тишина
Корректоры Е. И. Балабан и
Н. Д. Родионова.

Сдано в набор 15/IV 1957 г. Подписано к печати
13/VI 1957 г. Формат 70 × 92¹/₁₆ — 7 печ. л. —
= 8,17 усл. печ. л. (4,31 уч.-изд. л.). Тираж
20 000 экз. Заказ № 2388. Цена 3 р. 80 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суцевский вал, 49.

